

смена

3

Издательство ЦК ВКП/с/ „ПРАВДА“

ВЕСНОЙ НА ОХОТЕ

Глухарь.

Фото Вейсберга.

Читали вы когда-нибудь замечательные «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова? «Самое дорогое поэтическое время для ружейного охотника — весна: пролет и прилет птицы. Целую зиму поглядывал он, с замирающим сердцем, на выцветшие в покое ружья, особенно на любимое ружье. Не один раз, без всякой надобности, бляды выматывал стволами, перечислены и перематывали замки. Наконец, прохо-

дит долгая, скучная бурная зима.

...Пробивались значительно дни. Ярче, ярче стали солнечные лучи и сильно пригревают в поален. Потемнела полосами белая полена снега, и померкли дороги... Уже марз на исходе, и апрель на дворе. Для страстного охотника, क्याи бля и смолоду и क्याи вероятно никогда не переведутся на Руси, уже наступило

до время тревоги и ожидания...»

Чудесное это время! По крупным берегам оврагов уже слышится первое журчанье ручейков. По зарям в чистом маком ельнике раздается мелодичный свист рябчика. Хорошо в эти дни в лесу: воздух свеж, полог запаха прелых листьев и тлаой земли.

Изумительные опуснения связаны с весенней охотой!

Особенно, когда идешь на глухариний ток... * * *

Около двух часов ночи. Темно. Над спящим лесом плавает особая, прозрачная ночная тишина. Хрустят под ногой ветка, треснет ледяная корка, затянущая болотце, — и опять тихо. Идешь по лесу и время от времени прислушиваешься... Важно в срок подойти к месту тока, когда глухари еще не начинали своей песни.

Слушаешь... и вдруг, как всегда, неожиданно, раздается в воздухе резкий крик — это петухом белой куропатки прокричал свою первую песню, издавна о начале зари. Был вскоре ответи другой. На болоте прокричала звонко журавли. Неприятно вслушиваешься в асечу — мгу и поминуту взглядываешь на стрелки часов.

На востоке, в глубине леса, между верхушками деревьев, показалась чуть заметный свет. Ночная тьма стала редеть.

Наконец посыпалась ель уловимые звуки глухариний песни. За ней прозвучала втроя, третья, четвертая... Характерные «таканье», «щелканье», «щобстванье» выламывает через расцветную лесную тишь. Все это переливается в воздухе таинственными и волнующими охотника звуками.

Предоставив время глухарям расцетиться, начинаешь медленно и осторожно продвигаться в ту сторону, откуда послышалось первое отблески утренней зари и откуда наиболее громко доносится песня глухаря.

Продвигаться надо осторожно. Стоит только глухарю замолчать, как охотник замирает на месте. Спокойно, безжужно, как статуя... Заполет глухаря снова двигается к месту глухариний тока. Но вот уже отчетливо слышится его трель.

Выждав момент, когда глухарь поет третью, заключающую часть песни (в это время он ничего не слышит), делаешь два — три быстрых шага, или, вернее, скачка, и застынешь на месте. Потом снова два — три скачка, пока не подойдешь на верный выстрел.

В ялом свете зари глухаря кажется массивной фигурой, как бы выточенной из черного дерева, и лишь чуть заметное движение напоминает, что это — живое существо.

Пора... Подымаешь ружье, целяешься... Глухарь дрогнул, на мгновение задержался на стуче — и грузно повалился вниз. Перья медленно кружатся в воздухе. Выстрел не ристроил «концерт». Глухари продолжают извратить петь свои брачные песни. * * *

Охота на глухаря — увлекательная охота. Но она требует большой сноровки, выдержки, интуиции, выносливости. Охотник должен зорко видеть, хорошо слышать, ориентироваться в сложной обстановке, выдерживать в тонкости песни глухаря, знать ее составные части. Эта охота развивает в охотнике ловкость, выносливость в боевой обстановке.

А. ЧИРКОВ

Портрет работы худ. И. Гришгейна

9 марта 1940 года Вячеславу Михайловичу Молотову исполнилось 50 лет.

Вместе со всеми трудящимися социалистической родины советская молодежь горячо поздравляет товарища Молотова — выдающегося деятеля и вождя большевистской партии, испытанного руководителя могучего государства рабочих и крестьян, и желает ему многих, многих лет жизни на радость и благо трудящихся.

За выдающиеся заслуги в деле организации большевистской партии, создания и укрепления советского государства товарищ Молотов награжден орденом Ленина. Пламенный комсомольский привет негнбемому большевику, верному соратнику Ленина и Сталина, главе советского правительства — Вячеславу Михайловичу Молотову!

Иосиф Виссарионович Сталин и Вячеслав Михайлович Молотов.

Верному соратнику Ленина и Сталина— Вячеславу Михайловичу Молотову.

Центральный Комитет большевистской партии горячо приветствует тебя, верного соратника Ленина и Сталина, руководителя Советского Правительства—в день твоего пятидесятилетия.

Всю свою сознательную жизнь ты непрерывно служишь делу рабочего класса, делу коммунизма в качестве выдающегося деятеля и вождя большевистской партии. В черные годы реакции после поражения революции 1905—1907 г.г., в годы под'ема рабочего движения, в эпоху «Звезды» и «Правды», в огне первой мировой империалистической войны—ты всегда высоко держал знамя большевизма, неутомимо борясь за диктатуру пролетариата в нашей стране. Как член Петроградского Военно-Революционного Комитета ты провел большую революционно-большевистскую работу в Октябре 1917 года. Своей работой в качестве руководителя партийных организаций Донбасса, Украины, Москвы, в качестве Секретаря ЦК ВКП(б), своей многолетней славной работой на посту главы Советского Правительства ты заслужил горячую любовь и огромное уважение партии и трудящихся Советского Союза.

Как один из виднейших вождей большевистской партии, как крупнейший организатор социалистической экономики и новой, коммунистической культуры, ты воплотил в себе лучшие качества политического деятеля ленинско-сталинского типа. Ты всегда вел и ведешь последовательную борьбу за идеи марксизма-ленинизма, неуклонно отстаивая линию партии против врагов партии и советского народа, против троцкистов, зинovieвцев, бухаринцев и других агентов буржуазии.

Твоей энергии, твоей неутомимой работе на посту Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР страна социализма во многом обязана своими успехами и победами. В своих устных и печатных выступлениях перед партией и страной ты обобщаешь гигантский опыт великой работы по созданию коммунистического общества.

Желаем тебе, наш дорогой друг и товарищ, от всей души многих, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей партии, на благо нашей родины, на благо коммунизма.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

Фото С. Лоскутова.

Вячеслав Михайлович Молотов в гостях у ребят в пионерском лагере «Артек» (июнь 1934 года).

Незабываемые встречи

В. М. Молотов в молодые годы (снимок Музея В. И. Ленина).

Народы великого Советского Союза, угнетенные массы капиталистических стран горячо любят своего вождя и учителя — товарища Сталина. Изяг его стал символом борьбы социализма.

Сталин — это Ленин сегодня. Воспитан и взрастен вместе с Лениным слабое поколение большевиков, Сталин привел нашу страну к величайшим победам.

Рука об руку с великим Сталиным на посту председателя Совета народных комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел работает один из лучших его соратников — Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин).

9 марта 1940 года советский народ сердечно и тепло отметил пятидесятилетие со дня рождения Вячеслава Михайловича Молотова.

Он родился в свободе Кукарке, Кировской губернии (ныне город Советск, Кировской области), в семье приказчика.

Со школьной скамьи, с пятнадцатилетнего возраста, Вячеслав Михайлович участвовал в революционному движению, принимает в подпольных кружках, митингах и демонстрациях против царизма. В 1906 году он вступает в социал-демократическую большевистскую организацию Казани, и с тех пор вся его жизнь и деятельность неразрывно связаны с нашей большевистской партией. Вскоре товарищ Молотов становится одним из главных организаторов революционной молодежи средних учебных заведений Казани. Среди

учащихся создаются неаггальские революционные кружки. Организуются свой общегородской руководящий центр, в который входит Молотов.

Вот, с зимы 1908—1909 года я и знаю Вячеслава Михайловича. Он бывал часто у нас в доме. Одно время Вячеслав Михайлович занимался со мной, помогая готовиться к экзаменам для поступления в гимназию. Брат мой, Виктор (умерший в 1919 году), был в то время организатором революционных кружков учащихся средних учебных заведений. К нему-то и ходил Вячеслав Михайлович.

В комнате брата регулярно проходили собрания неаггальского кружка учащихся. Молодежь занималась самообразованием, читала запрещенные книги, которые знали наизусть, участвовали в самодержавием, готовили к грядущим революционным битвам. Здесь же писались и размножались на шпигрографе прокламации. Вскоре были установлены связи с учащимися других городов и с рабочими казанских фабрик и заводов.

Это были тяжелые годы. Потопив в крови революцию 1905 года, царское правительство жестоко преследовало революционных борцов. Сотни и тысячи людей были брошены в тюрьмы, застенки, ссылки на каторгу. Казанские жандармы услаивали свое наблюдение за неаггальскими революционными кружками учащихся, и с помощью провокатора им удалось вы-

явить руководящую большевистскую верхушку.

В апреле 1909 года, перед выгнанными экзаменами в реальном училище, царские жандармы арестовали товарища Молотова. В июне он был сослан на 2 года в Вологодскую губернию. Ссылка не прервала кипучей революционной деятельности Вячеслава Михайловича. Ни одного дня не проходит у него даром: он ведет революционную работу, много читает, штудировать основные труды по марксизму и даже находит время готовиться к экзамену за курс реального училища (экзамены он сдал экстерном в Вологде).

Возвратившись из первой ссылки, Вячеслав Михайлович с головой погружается в партийную работу. Он едет в Петербург. Здесь он сплачивает большевистские кадры студенчества, ведет большую партийную работу среди рабочих, участвует в создании «Правды», организатором и первым редактором которой был великий Сталин. Преследования со стороны полиции, неоднократные аресты заставляют Вячеслава Михайловича часто менять квартиры и квартиры, гуще уйти в подполье. В годы империалистической войны он ведет упорную кропотливую работу по воссозданию большевистской Московской организации, разгромленной царской охранкой в самом начале империалистической войны. И на этот раз недолго удается ему побыть на воле. В июне 1915 года Вячеслав Михайлович был арестован и в сентябре сослан на три года в село Манзурку, Иркутской губернии.

Много физических сил, морального самоблагодания требовал от человека долгий этапный путь в глухие сибирские села. «Приходилось быть свидетелем грустных, тяжелых картин... Замк и грубых окриков пришлось испытывать достаточно», — писал в одном из писем Вячеслав Михайлович. В Иркутской тюрьме, где Молотов пролежал три недели в ожидании дальнейшей отправки, часть из сидевших в одной камере ссылающихся заболела сыпным тифом... Кормил обратителью. На обед давали одно «сервесе» — похлебку. И несмотря на тяжелые условия дороги борется не покидал товарища Молотова. «На будущее смотрю broadly», — пишет он.

Прибыл в село Манзурку, товарищ Молотов решил «употребить с пользой для головы ближайшие месяцы». Он усиленно занимается классиками марксизма, внимательно следит за революционными событиями в стране, резко выступает против предавателей и изменников рабочего класса, которые в угоду своей и англо-французской буржуазии призывали русский народ вести кровавую войну с Германией.

В годы войны с большим трудом неаггальско пришел в Россию мой брат Виктор, живший тогда в Галиции вместе с Лениным. Брату было поручено организовать доставку большевистской литературы из-за границы. Весной 1916 года он приехал в Казань. Виктор познакомя меня с программой большевистской партии, с партийной литературой, и я ему по мере сил стал помогать в работе.

Однажды Виктор позвал меня к себе и взыванною сказал:

— Нужно помочь Вячеславу организо-
вать побег из ссылки.

Тут же он попросил меня записать
быстро под диктовку то, что ему удалось
расшифровать из полученного от Молотова
письма.

Товарищ Молотов писал, что он по-
лучил необходимые деньги на побег из
сылки, но нет паспорта. «Нужен надеж-
ный, хороший паспорт», — повторил он не-
сколько раз. Именно потому, я написала
в ответ обычное письмо, а брат мой между
строк изложила все, что касалось по-
бега. Паспорт вскоре был найден и по-
слан Молотову в обложке книги. С этим
паспортом в мае 1916 года и бежал то-
варищ Молотов из села Манзурики. Было
условлено, что он сначала заедет в Ка-
зань, а оттуда уже направится в Петро-
град. Но в Казани долго оставаться
Молотову было очень рискованно. Сми-
ком хорошо знала его казанские индей-
кашники.

Как раз в это время наша семья жила
на даче в нескольких километрах от горо-
да. Мы решили пригласить Вячеслава
Михайловича погостить на даче, чтобы
он мог хоть немного отдохнуть и кроме
того запастись надежными документами,
с которыми легче было бы жить в Петро-
граде.

Чтобы не возбудить подозрений у по-
лиции, Вячеслав Михайлович, усилив-
шись заранее с моим братом, выехала
на приставку, на лоджии города Казани.
К приходу парохода его ожидал брат на
лодке. Вскоре лодка пристала к пусты-
нному обрывистому берегу, где неподалеку
находилась наша дача.

Никогда не забыть мне дней, проведен-
ных вместе с Вячеславом Михайловичем.
Трудно восстановить в памяти все беседы,
которые велись за обеденным столом, на
прогулках, на рыбалке. С каждым днем
я узнавала все больше и больше о героич-
еской деятельности партии большевиков.
Именно в эти памятные дни я решила по-
святить себя целиком делу партии
Ленина — Сталина.

На даче мы с увлечением занимались
рыбной ловлей. Раздобыли себе разных

сиснетей, выстроили на другом берегу ша-
лаш и сделали для отвода глаз поли-
ции заправскими рыбаками. С удоволь-
ствием ходил на рыбалку и Вячеслав Ми-
хайлович. Помню, как однажды явился
урядник. Они пришли проверить, кто
живет на нашей даче. Визит окончился
ничем. Вячеславу Михайловичу при-
шлось только в эти дни пожить в шалаше

на другом берегу реки и усиленно за-
няться рыбной ловлей. Он был награж-
ден тем, что поймал хороших стерлядок.

Вячеслав Михайлович был весел и жиз-
нерадостен. Отдыхал, набирался сил, но в
то же время и занимался. Часто я заста-
вала его задумчивым, сосредоточенным, с
книгой или с газетой в руках. Во время
его крешки, корешковой фигуре чувство-
валась непреклонность, уперенность в
свои силы.

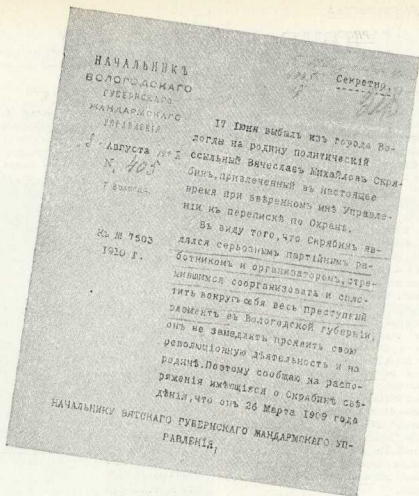
К концу лета, после того как удалось
получить более надежный паспорт, Вяче-
слав Михайлович уехал в Петроград, где
занимался ответственной партийной работой.

* * *

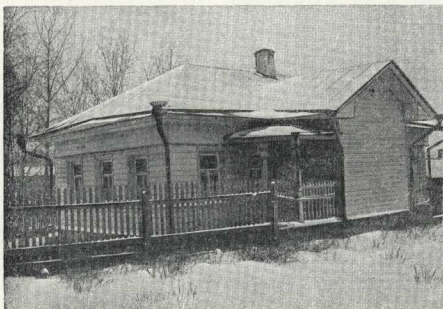
С 1920 года мне приходилось на работе
часто встречаться с Вячеславом Миха-
йловичем.

Выдающийся государственный деятель,
несгибаемый большевик, человек неуто-
мимой энергии, он с огромной требователь-
ностью к себе и товарищам прекрасно со-
четает с большой отзывчивостью и чув-
ствительностью к людям.

Вячеслав Михайлович Молотов — бли-
жайший соратник и друг нашего великого
Сталина. И всегда, когда Вячеслав Ми-
хайлович говорит о товарище Сталине,
глаза его светятся теплотой, светятся той
безграничной любовью, которая вошла в
плоть и кровь всех трудящихся нашей
счастливой родины.

Полицейское донесение о возвращении тов. В. М. Молотова (Скрябина) из ссылки.

Дом в Вологде, где жил тов. В. М. Молотов в годы ссылки (1910—1911).

ДРУГ И УЧИТЕЛЬ СТУДЕНТОВ

В мае 1924 года в Москве вышел первый номер студенческого журнала «Красная молодежь». Это было время, когда тысячи молодых, да и пожилых людей с фронтов, с заводов и из деревень пришли на учебу в недоступные для них раньше «храмы науки». Революционная часть старого студенчества и профессуры встретили протаргаское изобретение в штыки. Нужно было преодолеть это сопротивление для того, чтобы превратить высшую школу в подлинно советскую коммунистическую школу.

Задачи студенческого журнала в такой обстановке были очень сложными и ответственными. Вот почему наша партия поручала редактирование нового студенческого журнала верному соратнику Ленина и Сталина — Вячеславу Михайловичу Молотову.

Мне, в то время рабфаковцу, выпала большая честь работать в редакции журнала под непосредственным руководством Вячеслава Михайловича.

Товарищ Молотов был редактором «Красной молодежи» около года. Срок небольшой. Но для тех, кто работал тогда в редакции журнала, этот год стал замечательной школой большевистской журналистики.

Вячеслав Михайлович был в то время секретарем ЦК ВКП(б). Уделяя время для редактирования журнала ему было чрезвычайно трудно. Но тов. Молотов все же не был «почетным» редактором: он был непосредственным организатором нового журнала, его душой, его настоящим, повседневным руководителем. Он составлял планы номеров, подбирая авторов, редактировал весь материал от первой до последней странички, созывал совещания редакторов с активом студентов.

Эти совещания проходили обычно в кабинете тов. Молотова в ЦК ВКП(б). Вячеслав Михайлович внимательно слушал выступления студентов — рядовых сотрудников и авторов нашего журнала. Он учил их, как надо работать, чтобы сделать студенческий журнал боевым, партийным органом печати. С огромным воодушевлением уходил мы с этих совещаний.

Когда Вячеслав Михайлович приезжал в редакцию, помещавшуюся в то время в здании Наркомпроса, он интересовался каждой мелочью редакционной работы, указывая, что и как надо сделать.

Первые номера журнала «Красная молодежь» стали ныне библиографической редкостью. Интересно заглянуть, например, в первый номер. Там были напечатаны статьи: «План семинария по ленинизму» И. Сталина; «К текущему моменту» В. Молотова; «Партия и студенчество» Н. Крупской; «К проверке коммунистического состава вузов» Ем. Ярославского; «О положении высших учебных заведений в республике» А. Аушарского.

Товарищ Молотов поднял на высочайший уровень наш студенческий журнал.

Редакция журнала уделяла большое внимание всестороннему культурному росту студентов. В литературном отделе печатались произведения лучших советских писателей, отводилось много места творчеству самих студентов. Журнал регулярно помещал материалы, знакомящие читателя с достижениями в областях науки и техники. Видное место уделялось в журнале физической культуре и спорту.

По указанию тов. Молотова редакция укрепляла свои связи со студенчеством.

Корреспонденты «Красной молодежи» создавали в своих учебных заведениях студенческие журналы, многотиражки и стенгазеты. Росли кадры студентов-журналистов.

Наш журнал был подлинным «коллективным организатором» нивозной студенческой печати. Этой большой организационной и политической работой непосредственно руководил тов. Молотов.

В конце 1924 года произошло замечательнейшее событие в жизни журнала и всей студенческой печати: члены редколлегии «Красная молодежь» имели с товарищем Сталиным специальную беседу о задачах журнала.

К великому сожалению, эта беседа не была тогда застенотографирована, и выступление товарища Сталина сохранилось лишь в живой памяти.

Товарищ Сталин говорил, что журнал должен поставить своей основной задачей привлечение протаргаского беспартийного студенчества к работе советской власти и

коммунистической партии. Этого журнала достигнуть лишь тогда, когда он не будет настоящим советским студенческим журналом. Работа в вузах, органах Наркомпроса и пр. конечно, имеет еще ряд недостатков. Студенчество, лучше чем кто-либо другой знающее эти недостатки, должно их систематически вскрывать, критиковать, указывать на них, чтобы мы могли общими силами улаживать нашу работу. Необходимо поэтому широкое привлечение к участию в журнале лучших людей из беспартийного протаргаского студенчества. Студенчество должно почувствовать, что это его родной журнал, помогающий ему работать и развиваться.

Касаясь задач некоторых отделов, товарищ Сталин отметил следующие: в политическом отделе журнала необходимо осветить лишь основные вопросы работы партии и советской власти. Ничем здесь дублировать другие журналы. Каждый партийный орган в нашем Союзе должен иметь свое определенное место в общей работе. Большое развитие должно получить отделы: «Студенческая жизнь», «Литературный», «Наука и техника». Это именно те отделы, где студенчество само может активно участвовать и проявлять себя. Отделу «Реформа высшей школы» также необходимо наряду с преподавателями и профессорией привлекать к разбору отдельных вопросов и студенчество.

Важке к студенчеству — тогда журнал лучше выполнит свою задачу и действительно станет родным органом советского студенчества.

Эти замечательные указания великого вождя и поэта сохранил все это актуальность.

В 1925 году в журнале было впервые напечатано историческое письмо Иосифа Виссарионовича к I-й конференции протаргаского студенчества. В этом письме товарищ Сталин указал на коренные задачи партии по работе в вузах и среди студенчества.

Тов. Молотов прекратил работу в редакции в середине 1925 года. Редактором журнала после тов. Молотова стал Надежда Константиновна Крупская. К тому времени студенческий журнал благодаря тов. Молотову крепко встал на ноги, он пользовался в студенческой среде огромной популярностью. Путеводными вехами для редакции были четкие и ясные указания товарищей Сталина и Молотова о задачах студенческой печати.

Советское студенчество и в дальнейшем чувствовало и чувствует на себе огромную заботу тов. Молотова. Партия неоднократно поручала Вячеславу Михайловичу разработку сложнейших вопросов строительства советской высшей школы, вопросов подготовки новых кадров специалистов.

Студенческая молодежь, вдохновленная речью товарища Молотова на Первом Всесоюзном совещании работников высшей школы, со всей присущей ей энергией взялась за поставленную задачу — учиться так, чтобы стать лучшими в мире специалистами. Нет сомнения в том, что эта важнейшая задача, выдвинутая в 1928 году тов. Молотовым, будет с честью выполнена высшей школой.

Обложка журнала «Красная молодежь», подготовил редактор тов. В. М. Молотов.

СОЛНЦЕ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

С. ТРЕГУБ

«Слава дается людям гением и не зависит ни от каких случайных отношений, — писал Белинский. — Протя же бессмысленно предубеждения, зависть и злоба. Они даже служат ей, стараясь уничтожить ее, — и если им удается иногда помрачить ее лучезарный блеск, то не больше, как на минуту, и для того только, чтоб она явилась еще лучезарнее: так солнце является в большем блеске, когда пройдет мимо заставлявшие его обидка, а они не могут же не проходить мимо его!»

Так и случилось с Маяковским. При самом своем появлении на поэтической арене он был встречен ожесточенной брашно литературных стартеров, которые в рожденьи его поэтической славы уложили смерть господствовавших эстетических понятий, а вместе с нею и—свою собственную гибель.

...Маяковскому исполнилось 20 лет. Им были уже написаны стихотворения «Ночь», «А вы могли бы?», «Несколько слов обо мне самом, трагедия (Владимир Маяковский».

*«Пройте все ко мне,
кто рвал молчанье,
кто выд
оттого, что летал подвлей тучи,—
а вы откоро
словами
простыми, как мячанье,
маша новые души,
выдающе,
как фонарные буши.»*

Он назвал никому до него неизвестные, простые «как мячанье» слова и действительно открыл ими новые людские души; открыл их в горестно-гневных, суровых стихах «Война обещала», «Я и Пастернак», «Вам!» — почти единственных в те годы стихах, в которых открыто звучал голос возмущения империалистической войны; открыл их в лирических, по-маяковски нежных стихах «Сарказм и немозжко нервно», «Пустак у Оке», в сатирических стихах «Гимн судье», «Вам ученику», «Гимн обеду», «Винамателное отношение к авторитетам», в которых впервые послышался его «громоный смех», и, наконец, в гениальной поэме—«Облако в штанах», в которой слышен гуд приближающейся октябрьской грозы, слышен с голосом поэта-пророка:

*«Где глаз людей обрывается кудри
гламой голодных орд,
а в термоме венец революций
облетает шестидесяти лет.»*

А я у нас—его претельня...

Это не был поэтически отвлеченный красивый образ. Это—живое ощущение и понимание своего призвания, своего пути, своей цели. Теперь мы знаем, что он был не только поэтически предельно целой эпохой, которая зрела и вызрела в радостных муках социальных взрывов и потрескиваний, но и ее героим. Роль и значение его ученика, воспоминание о «футуризме» Маяковского и несомненно ближайшее это понятие с революционностью. Не случайно в мае 1917 года в тождестве «Журнале футуризма» из одной статьи бесновалось по поводу поэтического «футуризма» Маяковского, а на другой... по поводу «политического футуризма» Ленина.

Соборную силу стихов Маяковского чувствознать и по достоинству оценивали друзья и ученики революции. О его творчестве заговорил Горький. Он выступил на одном из литературных вечеров с речью в защиту поэта, а затем со специальной статьей.

В. Маяковский (1924 г.).

фото А. Родченков.

Алексей Максимович привлек Маяковского к «Летисию». При содействии Горького в издательстве «Парус» вышла книга стихов Маяковского—«Простое, как мячанье». В газете, которую редактировал Горький, в мае 1917 года появились стихи поэта—«Революция» и «Сказка о красной пошке».

24 сентября 1917 года Маяковский выступил в Советском политехническом музее с лекцией «Большевизм искусств». Гром революционной громы грянул. Для Маяковского не существовало вопроса: принимать ее или не принимать? «Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось», — писал он в автобиографии «Я сам».

Интерес революции определил содержание всего творчества Маяковского. Они пронизали в сознании поэта понятие «ярмар». Ему на службу принес он свое грозное оружие.

Раскрывался стих от обычных форм, размеров и ритмов, от старых поэтических колодов, Маяковский декларировал новые законы искусства, прокламровал новые, еще никем не известные пути.

«Участие в революции и революционность методов участия» — такими, по утверждению Маяковского, приняты работы каждого революционного мастера. Он осуществил их в «Юных сатире Роста» и в своих газетных стихах, в пьесах и поэмах — во всем, что «отстаивалось словом».

Никто из наших поэтов не выразил чувства советской эпохи так глубоко и свежо, как Маяковский. Никто из них не был в такой мере, как он, воспитателем этого чувства.

Маяковского не могли удовлетворять платонические мечтания о новом человеке. Он считал своим долгом, своей обязанностью, своим

призывом строить и зашищать, «оборудовать для веселья» новую планету, немедленно вступая в борьбу со всеми существующими силами зла, со всеми существующими гнетом в стихах о мешках, поилках, подвалах, карьеристах, его высокой пафос в произведении о нашей родине, которую он по-своему трогательно любил и которой так гордился.

Многим обману его советская молодежь. Он был поистине самым отчаянным и самым достойным поэтическим вызовом дум и чувств нашего поколения. Сколько вдовольных протестов высказано им, кому

*«...лечь
в градце
все соки земли,
как кашу,
мир запрокидывала.»*

Стихи Маяковского, печатавшиеся в «Комсомольской правде», полны заботы о нравственном, моральном облике молодого резерва нашей революции. Они и сейчас не утратили своей злободневной силы.

Большевистская партийность составляет их неизменную идейную ценность. Они мерял ее у нашей партии, от которой себя иногда ищем не отделив, у ее вождей — Ленина и Сталина.

Ленин сыграл большую роль и непосредственно в творческой работе поэта: он поддержал его на одном из труднейших этапов, вспомянул об одобрительном отзыве Ильича по поводу стихотворения «Прозаиславившие». Маяковский говорил: «Я лично ни разу не был допущен к Стелковому (бывшему редактору газеты «Известия»). — С. Т. Т.) И печататься мне удалось только случайно, во время его отъезда... И только после того, как Ленин отменял меня, тогда «Известия» стали меня печатать».

«Однако «облака», аставлявшие славу поэта, не прошли мимо.»

Критические мысли грызли гору. Пытаюсь изловчат Маяковского от народа и от советской революции, они ослепляли его сетями гусиной и чудовищной силы. То они объявляли его «марксистско-индивидуалистом», то третируют как «лютеин-пролетариат», то создавали легенды о его «эпиконности широким массам».

Нашлем отголоск этих «ублажонных» умокословлений было не того иной, как Инуахуа-Троичей. Это с его легкой руки пошла гулять теория, что Маяковский не связлся с пролетарской революцией и что восприятие города, природы, всего мира у него в своих «эпиконных» интуитивных, мол, не «работче, а ботемоско». Вся официальная раповская точка зрения на Маяковского черпала свои «ортодоксизм» из вонючей троичкистской лужи.

Троичкистские агенты в литературе: авербаки, воронские, основские — и их челядь, жестоко траншившие Маяковского, сыграли роль новоявленных Дантесов.

Они—патамившие облабятель советскую поэзию, выбросив Маяковского за ее борт,—рисовали его путь, как долгую и мучительную историю, идейно противоречивую и пришедшую, в конце концов, к естественной трагической развязке.

«Картонная поэма», — вопила быца рвачей и высклок по поводу стиха «Скоруха это драгоценного подарка к десятилетию Советской республике. Защищай ее читатель, ащищай горючо и влюбленно. Неизвестная девушка из-род Роста писала Маяковскому:

«Когда на вас нападают, это смешно. Вы, как слои, а они, как шапки, и это от зависти, а надо хорошо... Вы мне кажется, так бы в шум и светлым, как солнце... Приниме от меня, деревенщина, мою благодарность и восхищение, дорогой, востанний, большой товарищ...»

Какое было дело шапкам до того, что он пятнадцатилетним подростком вступил в РСДРП (большевиков), вел пропагандистскую работу, сидел в тюрьской тюрьме, зато он восторженно встретил великую социалистическую революцию и мужественно защищал ее пером поэта и кистью художника.

Для людей, травивших поэта, «пролетарская идеология» определялась жизнью... принадлежностью к РАПП. Не потому ли, когда в 1925 году вышла антология «Русская поэзия XX века», стихи Маяковского были выпущены в разделе «Футуристы и поэты, связанные с футуризмом» — в одном ряду со стихами Северянина.

Слова товарища Сталина о том, что Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи, что безразличнее к его памяти и его произведениям вынесены преступнейший удар по всей нашей стране, интеллигентной интеллигенции. Сталинский отзыв развеял в прах их подпольное словоблудие.

Однако многие из тех, кто отрывал жизнь поэта своим злобным жульничеством, пытаются сделать сейчас вид, что ничего особенного не произошло. Они-де еще заметили ничего принципиально нового в словах товарища Сталина о Маяковском. Приспособившись к этим словам, интеллигентной интеллигенции, они продолжают на деле принижать поэта. Изменили только методы, приемы.

Маяковского не удалось вычеркнуть из советской литературы, но в угоду режиму его не подпустили Пусть заблуждены в христианстве. Мертвай маршал, рассуждают они, менее опасен чем живой боец. Они лицемерно готовы

принять за ним право на века только для того, чтобы отнять у него право на современность.

Поэт хотел разговаривать с поколениями, «как живой с живыми». Недруги же его, выжужженные воскурять ему финнам слова, хотят только святого похоронить его.

Эти тенденции проявляются в последние годы по-разному.

Одни готовы признать Маяковского поэтом, констатируя лишь впаде гражданской войны. Цитируя сталинский отзыв о Маяковском, они опускают при этом слово «остаётся» и оставляют слово «был». Выходит, что весь он принадлежит прошлому.

Другие пытаются расщеп его творчество на куски, отбросив все его дореволюционные стихи. Мы, мол, любим Маяковского не за «Облака», а за его «послереволюционные произведения».

Третьи предпочитают с дрожью в голосе говорить об ужасной опасности канонизации Маяковского, которая вот-вот грозит советской литературе.

Четвертые, пятые и десятые похиженно заминаются высканчиванием слабых сторон творчества поэта.

Какие бы отгнели, побуждения, желания ни отличали этих людей друг от друга, ясно одно: их рождает боязнь живого Маяковского, будущего, темпераментного, гневного, разящего и сляпающего, — нашего несовершенства.

Их пугает в нем все: и старое, но грозное оружие его стихов, и постоянная опасность сравнения с ним, и действительная сила его отзывков, характеристик, и неутраченная им возможность представлять действительность: от имени сегодняшней советской литературы.

В естественном процессе его внутреннего становления, его поэтического созревания они склонны умирать смену кровных убеждений, основ мышления поэта. Безобидный термин «эволюция» они расшифровывают как переход Маяковского с одних идейных позиций

на другие. Все еще живучи вульгарно-принципиальная советская установка которм Маяковский до Великой Октябрьской социалистической революции значится «буржуазно-уголовным», ему, дескать, тогда не были еще ясны подробности будущей перестройки мира (вотарм бойких статеков все было ясно с пеленок).

«Но могут ли все эти шаткие построения помарачить лучезарный блеск Маяковского — солнца советской поэзии!»

Боевым девизом его было:

*«Светит всегда,
светит всегда,
до дыла последних дощца,
светит —
и шапкам злодейств!
Вот злодей мой —
и солнце!»*

Свет его стихов-лучей неистощим. Коммунистическое далеко, о которм так часто думал поэт, встало перед ним прекрасной лязом. Это был день, котормый он не только видел, но в котормом он уже жил; он дышал этим горным воздухом, шагал по бескрайней, радостному простору, наслаждался его величественной и неслуханной красотой. Углуб черта «собственного» физического бытия была им переделана еще при жизни. За ней, за этой чертой, лежали вестьность, бессмертие.

Маяковский — поэт огромной международной важности. Творчество его оплодотворяет и будет еще многие годы оплодотворять всю новую революционную поэзию мира. Он не нуждается в заступничестве несовершенных и шатающихся и будущему — современникам и потомкам.

Отмечаая десятилетие со дня его смерти, мы обязаны громко говорить об этом. Дело не в восложении на могилу поэта. Мы должны продолжать борьбу за новую, социалистическую поэзию, котормую бессмертно вел Владимир Маяковский.

Рисунки И. Гринштейна

БОЛЬШАЯ ШАПКА

(ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ)

«БОРОДАЧ» ДАЕТ УРОКИ

Взрос-то как! Не узнали Нука, поперись, и погляжу, какой у меня брат... Высокая девушка со смехом торжественно скоп-фуженного Володу.

«Это была Люда, только что приехавшая из Тифлиса. Старшая сестра окончила пансион. Теперь она была совсем взрослая, носила прическу и кофточка с воротничками на пуговицах».

Большой дом сразу наполнился шумом, бетготней, голосами. Мать и Оля распознавали корзинку приезжей.

На постельях, на стульях, на столах валялись комки сталеков, альбомы, вышитые платочки — подарки людных подруг.

Володя развернул большой альбом для рисования. Там было несколько акварелей: уголки старого Тифлиса, курдая женская головка... — Знаешь, ты брехала рисования? — спросил он старшую сестру.

— Конечно, нет, — сказала Люда, — осенью я поеду в Москву учиться в училище живописи. Папа с мамой уже согласился.

И она оглянулась на мать.

Володя вслушался.

Он сам давно, еще в Багдаде, мечтал поехать в Москву. Теперь он мучительно заискивала старшей сестре.

— Мне мама писала, что ты тоже рисуешь, — сказала Люда, — ну-ка, покажи свою стряпню.

— Да это так, я и не рисую вовсе, — про-бортовала Володя.

— Показай, показывай, нечего прятать, — настаивала старшая сестра и, не дожидаясь приглашения, отразилась в володин угол.

...Художник и сестра с интересом наблюдают над рисунком.

Там, над столом, были приколты к стене две картины. На одной из них — мальчик большой парком с дымящейся трубой. Другая изображала мальчика, нагруженного пистолетной дробью ступлей. Люда, нагнувшись, пристально рассматривала рисунки.

— Здесь я сам себя нарисовал,— нехотя объявила Володя,— это я к обеду собираю ступлю со всего дома. Видишь, целую гору ташу...

— Мне кажется, у тебя большие способности,— с важностью сказала Люда,— я покажу твои рисунки понимающему человеку.

И, отколотив рисунки, старшая сестра без всякой церемонии унесла их к себе.

«Понимающим человеком» оказался кутанский художник Крисукуа, у которого Люда начала брать уроки рисования. Володя знал его, Бородастый, в небрежном костюме, Крисукуа, вострога пролохих носовым и вместе с тем внимательным взглядом.

— Мама! Володя! Кричите сюда! Я показала володяны рисунки Крисукуе. Он беретса бесладно учить его! Говорит, у него талант,— это значила назавтра Люда, пришла от художника,— понимаете, даром хочет учиться!

— Талант, талант!— задела Люда, вертежа волее брата.

Володя терзала Люду за рукав:

— Нет, ты рассказки, как это вышло. С самого начала. Ну, пришла ты к «бородатцу» на урок...

— Ну, пришла на урок,— с увлечением рассказывала Люда,— вытатила твои рисунки. Он посмотрел, говорит: «Очень живо. Кто это рисовал?» Я говорю: «Мой брат, он еще совсем мальчик»— тут Люда поглядела на Володю. Брат нетерпеливо дернул плечом.— Тогда Крисукуа еще раз поглядел на рисунок и вдруг говорит: «Придите брата ко мне, и я буду с ним бесладно заниматься. В нем, говорит, чувствуется талант».

— Так и сказаза?— Володя придвинулася к сестре.

— Так и сказаза,— кивнула Люда.

— Надо отню написать, а то он там в Бадле не знает, какис. У него какие-то большие дети,— шутило сказаза мать.— Ну, художники, идите жай петь, а потом пойдете на урок.

Вечером Володя с сестрой отправился к художнику.

Крисукуа уже ждал их. В большой комнате, превращенной в мастерскую, горела две лампы под зелеными абажурами. У стен стояло множество холстов, гипсовые слепки рук, ног, голова какой-то богини...

Володя осматривал все, не стесняясь, любопытный и жадный, как маленький дикарь. Художник в просторной пальмовой блузе, с густыми волосами, свисающими на лоб, поправил-ся ему.

«Бородач» протаргеловал лист бумаги, хороший, мягкий карандаш, резинку.

— Для начала нарисуега все, что вы видите в этой комнате,— сказаза он Володе.

— И как тоже рисовать?— спросила Володя. Художник усмехнулся:

— И меня в том числе.

Володя взял в руки карандаш и еще раз обвел глазами комнату. Большое окно, у окна Люда конюлет гипсовой орнамент, на столе навалены в беспорядке книги, от лампы идут тонкие лучики света...

Карандаш его быстро зыменялся по бумаге. Людо его горело, он складно рез резинкой по бумаге и что-то бормолала себе вод нос.

Вдруг он громко сказаза:

— Возьмите, готово.

Художник и сестра с интересом нагулялся над рисунком.

В кособой комнате, посреди кирас стоял и мольберт, стол зарешен до голоз волосами джористической человек в просторной блузе художника. Но в позе человека, а его длинных руках и складной губе было несомненное сходство, и каждая узнала бы в нем «Бородач».

Сконфуженная Люда молчала, Крисукуа долго разглядывал рисунок, потом сказаза Люде:

«Военные действия» начались в тот же день, после уроков.

— Выи брат— молодети. Такой острый глаз не часто встречается. Большинство увлекается чужестами, а вот этот мальчик сразу схватывает главное.

И, обернувшись к Володе, добавил:

— Теперь вы каждый день ко мне приходите. Давайте делать из вас художника.

«ПОРТ-АРТУР»

Стояла кутанская, северная зима. Дождь коосо летел по улице. В саду моряке, серые кланьяе качались от ветра, казалось, что они с трудом держатся на ногах.

Вдруг Володя увидел отя. Размахивая руками, он быстро шел к дому. Фуражка его была единична на заткном, пальто расстегнуто. «Война!»— сказал он, еще с порога.— Вчера ночью японцы атаковали в Порт-Артуре наши корабли! Два броненосца и крейсер «Паллада» получили пробоины. Сейчас в центр царский манифест. Японцы объявлена война! Победившая мать прислонилась к дверному косяку.

Володя был в восторге. Война— это значит подвиги, слава, знамена, полковая музыка! Как и все мальчики его возраста, он увлекался описаниями жизни великих полководцев: Наполеона, Суворова...

Если бы его спросили в то время, на что похожа война, он сказаза бы, что она похожа на парад, который он однажды видел в Кутансе. Тогда все солдаты были одеты в военские, с иголочки шинели, на эполетах офицеров висела жирная золотая бахрама и солнце отразилось в огромных медных трубах оркестра. Все кругом было стройно, празднично, неслыханно...

Так он и воспринял в первые дни войны. Его удивлял только отец: десничной ходил хмурый и молчаливый; ему война, полагамому, ничуть не казалась праздником. В столовой десничной повесила карту военных действий. Он показав сыну русскую крепость Порт-Артур, вокруг которой шли бои.

— Эта война нам дорого обойдется,— сказаза он раздраженно.

Приняла тетя Ануота в белой косынке с красным крестом. Теперь она работала сестрой милосердия в лазарете.

— К нам привезли первых раненых,— сказаза она,— совсем молодые солдатики. Кому руку оторвало, кому ногу...

Володя слушал и не понимал. Оторванные руки и ноги как-то плохо звязались с его представлениями о войне-параде.

В городе шла мобилизация. На улицах появились военные в походных шинелях.

На многих домах теперь висели белые флажки с красным крестом: там помещались лаза-

реты. С вокзала на линейках привозили раненых.

В Кутансе выпал снег и началось мороза. Суворая зима была редкостью в этом южном городе, и гимназисты обрадовались ей как новому развлечению.

В большую перемену на гимназическом дворе началась бой снежками.

— Постойте!— закричала Володя, который предводительствовал третьеклассниками.— Давайте лучше строить крепость.

— Крепость, давайте строить крепость!— подхватили гимназисты.

«Крепость» строили целых три дня. Из снега возвели круглую башню с бойницами и обвели ее водой. Вокруг башни прорыли окопы. Заготовили «тяжелую артиллерию»: опустили снежки в воду— получились твердые круглые ядра.

— Как это мы называем нашу крепость?— спросил Аполлона Мехки Володя, при котором он состоял адъютантом.

— Конечно, Порт-Артур!— не задумываясь, ответил Володя.

«Военные действия» начались в тот же день, после уроков. Круглые десичные стены «крепости» отлаивали снеговой. Лучики «ядер» десичали перед каждым бойцом.

«Японцы» под командой Баука направились к чифаре.

— Здесь будет стоять наша эскадра,— объявил Енуку,— посмотрим еще, чья возьмет.

Так началось дело гимназическое «Порт-Артур», которая тянулася много дней и закончилась все больше перемены.

Володя возвращался домой с подбитым глазом и с синяком во все щеку.

— Снять Порт-Артур?— спрашивала мать.

— Володя молча кивал и уходил в свой уют. Стена за широкой милой все явнее открывалась с видами крейсеров и броненосцев: «Иланда», «Фридрих», «Громобоб».

С наступлением темла «Порт-Артур» был перенесен со двора гимназии на берег Риона. Дети сложили из камней, а снаряды теперь лепили из глины, смешанной с неском.

Гимназический «Порт-Артур» храбро отбивал все атаки противника, совершая отважные вылазки наводила врагам серьезные удары. А настоящий Порт-Артур, на Дальнем Востоке, отлаивал японцам форт за фортом. И каждый утро Володя с досадой смотрел на карту, фемасы, обозначавшие русскую эскадру, ноги не даялились или даялились назад.

Однажды разгореченный, запыхавшись Володя вернулся из гимназии вполне обмыкновеного: в этот день в бокх участвовали старшеклассники. Им удалось взлететь от заштитников «крепости», одному даже нос расквашил!

В спальне, не дожидая огня, сидел отец. Что-то в его стесненной фигуре повисло сына.

— Порт-Артур закончилось, — крикнул лежачий.

И в этот вечер Володя впервые почувствовал, что жизнь ничуть не похожа на игру.

ТЫСЯЧА ДЕВЯТОСОТ ЛЕТЫЙ

Революционные события преобразили Кутанс. Большевики под руководством товарища Сталина сделали Кутанс одним из главных очагов революции. Крутом — в Гурин, в Минигредин — народ поднимался, чтобы улететь. Вставали рабочие. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы. Громко звучала на улицах «Марсельеза». На Габаевской горе собирався митинг. Революционное движение все нарастало.

— Умирять Кутанс и вообще всю Имеретию послала палача генерал-майора Ахилова. Но Кутанс вздрогнул, грозные набата громею над страной громы — революция.

Семья лежачего была взбудоражена, в гущу событий, слухов, разговоров.

Володя уже много лет не был ни в гимназии, ни на уроках в родоуча; у него на виске завалива довольно глубокая рана (подарок с тремя реалиями на Рюне).

Он томился и рвался на улицу.

Как хотелось ему сейчас что-нибудь для революции, сразиться за нее, может быть, даже погибнуть, если понадобится!

На гимназии прибрала Кола и Ефрем, рассказывали, что там митингуют, что саншенику Изгарину и учителю греческого по прозвищу «лягу» устроили обструкцию за то, что они издевались над грузинами и еврейми.

Пришел лежачий, был мур и лод. В Багдади волновались крестьяне, и его только что вызвали к начальству.

— Говорят: договорите с крестьянами, они вас уважают, пользуются и работают по домам. Ну нет, голубчик, не на того попал! Я поперек дороги крестьянам не буду становиться.

— Так ты отказывай? — спросила жена.

— Разумеется. Знаешь, — прибавил он, — все зеленые чиновники получили аниминные письма с парисованным рублем, кроме меня.

Володя с гордостью вынул из отца. И теперь, в эти революционные дни, отец оставался для него таким же справедливым, умным и смелым, как всегда.

— От Люды ничего не было? — спросил отец.

— Нет, — отвечала мать.

— В Москве, на Пресне, говорят, идут бои, — сказал отец, — рабочие построили баррикады и сражаются с полицией.

У Володи даже дыхание захватывало. Баррикады! Люд, как во французской революции! Люд там, в Москве, быть может, сама сражается на баррикадах.

Как сильно, как страстно завидовал он теперь старшей сестре!

Он отпер шкату своего стола, где хранились самые лучшие и любимые вещи: и видел: Кикот, новая коробка с красками, альбом бумаг. Под вещами, в дальнем углу, были завернуты длинные бумажки: стихи. Их привезли в свой прошлый приезд из Москвы Люда. Тайком сушила брат, сказала:

— Это негалагилы. Спрячь хорошенько.

За нее людей на катуру сылают.

Одно из стихов хорошеи, привезенных Людой, начиналось так:

— Опонимся, товарищ, опонимся-ка, брат, скорей брось винуток на землю...

Другое начиналось приездом из Москвы. Это была революция. Это были стихи. И в голове Володи стихи и революция как-то объединились...

В стальной Оля, навалившись грудами на стол, читала. Уши у нее раскрывались, как огонь, читая она шевелила губами. Володя отогнул край ее юнчки.

— Подложные женщины в настоящем и будущем — прочел он вслух, заглавие. — Оля, дай и мне что-нибудь почитать.

Оля молча указала на стопку книг, сложенную на столе.

— Это такое рабочий день. — Сопваляем в Японию — это я все читал, — сказала Володя. — А вот это — что-то новенькое.

Он вытаскил книжку за зеленым переплетом, озаглавленную «Буржуазия, пролетариат и коммунизм».

Теперь брат и сестра читали только те книги, в которых говорилось о революции.

ДЕМОСЕН

— Володя, генералка, делал вымбр тек делегатом, понимаешь, делегатом на сходку всех учащихся!

Аполлона Месхи взволновано толтался в дверях столовой. Володя, расстрепанный и еще ни совсем отойрившийся от книги, которую читал, смотрел на товарища рассеванным взглядом.

Володям дни, в давне ночи были наполнены теперь новш, совсем особенной жизнью. Стрельба, бег, газеты. Он спал очень мало. Читал заповед. Все книжки были о том же — о революции. В них говорилось, каки должи бити мир без Куркушавли и Мунджинех — тот мир, о котором теперь мечтал Володя.

Аполлона между тем развурлил лист бумаги, сплошь испещренный его крупными кривыми буквами.

— Это никак классик! — торжественно сказал он, глядя поверх листа на Володю, — здесь написано все, что класс требует от директора и от учителя!

И он прочел громко:

— Мы требуем отменить преподавание «закона божьего». Мы требуем, чтобы был смещен учитель Куркушавли. Мы требуем, чтобы ввели преподавание грузинского языка.

С каждым новым «мы требуем» Володя одобрительно кивал головой: он сам вместе со своим классом выставлял эти требования.

— Забили еще одно, — сказал он, когда Аполлона дочитал до конца, — запиши: «Мы требуем, чтобы в стенах гимназии не было ни одного полнещеского, ни одного казакка...»

— Месхи послушно записал.

— Значит, будешь выступать на сходке, генералка? — спросил он.

— Н-не знаю, может быть, — с запинкой ответил Володя и вдруг покраснел.

Ему представлялся Габаевская гора и толпа грузинских и гинджинских. На обложке серого камушка — Володя. Все лица обращены к нему, крутом габогвевиная тишина, все боится шелохнуться, пропустить хоть одно слово из того, что он скажет.

— Стать оратором, требую революция, — вот о чем мечтал теперь Володя.

— Слыхал ты когда-нибудь о Демосене? — спросил он Аполлона.

Тот отрицательно покачал головой.

Володя вынес на сплавии небольшую книжку, аккуратно обернутую в мармурную бумагу.

— Отец подарил, — сказал он, показывая книжку товарищу. Демосен — знаменитейший греческий оратор.

Он открыл картинку: белый человек в тоте стоял на берегу моря, широко развел руки.

— Это он произносит речь с камушками во рту.

И Володя бего рассказав Аполлоле все, что знал о Демосене. Демосен был козноватень, у него был слабый голос, и при разговоре он всегда подергивал плечом. Но он настойчиво побеждал в себе эти недостатки.

— Демосен поднимался на самые крутые горы и читал громко стихи, чтобы вымучить себе произносить слова, — рассказывал Володя, — он упражнялся перед зеркалом в мимике и подвешивал к потугу мек. Когда он, по привычке, подымая плечо, мек было колот его...

— Как-ка! — весело подергивал плечом Володя. — А ты, генералка, мог бы так себя мучить, чтобы стать оратором?

Аполлона случайно проник в этот тайну. Уже давно произносил Володя, — рассказывал Володя, — там, набрав в рот камушков, произносил речи.

Когда Аполлона простился, Володя, предаваясь размышлениям, что так называемый отец его дома, потонувший вышел вселд за ним и утонул на берегу.

Быть может, завтра придется выступать на сходке. Там будут старшие товарищи, и чтобы они — самый младший — ударил лицом в грязь,

С этой мыслью Володя спустился к реке. Налево от башенки, за поворотом, находилось глухое местечко, которое он облюбовал для своих упражнений.

Володя развусил и размыслил в воде несколько несурных криков, как будто бы они были такие:

— Такие камни были во рту у Демосена или крутнее? Кто мог бы ответить на этот вопрос? Он поклялся камнем в рот.

Как он назвал завтра? «Господа!» или нет, лучше: «Госварин!»

— Товарищи, мы собрались сюда, чтобы сообщить тебе отпор насильно...

— Ах, как неудобно и неприятно было говорить с тобой, Володя, как неудобно и неприятно было говорить с тобой, Володя, как неудобно и неприятно было говорить с тобой, Володя, как неудобно и неприятно было говорить с тобой, Володя...

— Нечего делать, пришлось Исхару рассказать в это замечательное время с интересом смотреть на жестикулирующего мальчика, потом записал своим делом.

Вдруг Исхару и в тот же вечер Володя послышался мелодично. Маленькое личико Исхару выглянуло из-за дерева.

— Здравствуй, каюк! — сказал он радостно. — Давно не видел! Да ты не сердись, я так же, как и ты, прождала год, услышала слаженный голос Володы.

— Нечего делать, пришлось Исхару рассказать в это замечательное время с интересом смотреть на жестикулирующего мальчика, потом записал своим делом.

Вдруг Исхару и в тот же вечер Володя послышался мелодично. Маленькое личико Исхару выглянуло из-за дерева.

КОНЕЦ ДЕТВА

Только что были слышны стоны отца, его беспорядочный, прерывистый дребез, его тяжелое дыхание. И вдруг все стихло. Зеркальце с поземчатым изображением повиснуло на нескрученной акуратной почерке отца: распоржени по лесничеству, कैसे-то выкладил, записал того, что нужно кушеть для дома. «Володе карандаши и цветные...

Это страшное неожиданно. В пятницу, утром, приехал из Багдади отец. У него был красивый голос и воспыленное лицо.

— Рубка болит, — кратко сказал он сыну.

Накануне он поднимал деловые бумаги в уколую иглол палец. Палец разболелся, распух. Он пошел в багдадскую больницу. Там ему сделали прокол, но боль еще усилилась. С трудом добрался он до Кутанса.

— Заражение крови, — определил врач. Это был смертный приговор. Еще говорили что-то об операции, об ампутировании ноги, но Володя уже полагал: заражение успело перероснуть за мозг.

Отец метался на тахте, когда его вызвали. В минуты просветления он овал Люду.

— Стало дичь, дочка, была прохладка в Москве, еб ждали со дня на день.

Володя бродил по дому, словно потерял что-то очень нужное. То он бросался помогать прибраться, то делал, что должен был сделать, как слепой, натаскался на беспорядочно разбросанным мебелью. В худом черном ведре вылились битые кубарки и желтые ренценты.

В акуратной кувалде, вода. В гостиной сгорбленная Оля колотла лед, не обращая внимания на ледяные брызги, которые летели во все стороны. Во всех этих мелких подробностях Володя чувствовал присутствие смерти.

В воскресенье отец не встал. Открыла настежь все окна. Был февраль, шибела пичи, с улицы доносился беснечный ребябий гомор, и в этот вечер в спальне казалась а доме совершеннейшая тишина.

Володя не мог понять, как это так: отец дома — и вдруг не слышно его грешного гома. И Володя, и Исхару, и Настя, и Бурбун, но не стонут полуночи под тяжелыми на всю ступню отцовскими шагами.

Ему захотелось еще раз взглянуть на него.

(Окончание на 14 стр.)

Владимир Маяковский
на даче под Москвой (1928 год).
Фото А. Родченко.

МАЯКОВЩИК В БОЛЬШОМ

(ИЗ КНИГИ «МАЯКОВСКИЙ—САМ»)

Лесничий лежал очень прямой, в парадном скрутке с погонами, в белом, очень простом костюме с начальству. Он был хмур, суровые черты темнели у него под глазами. Это был человек с чужим и торжественным лицом. Не он улыбался Володе, не он встал «Блаутуны выйдя из проба и сяди выбирать место на Оринское кладбище.

Весь день Володя ходил с пустым в тисках сердцем. Крутом, все время — он не мог поплакать. Иногда ему казалось, что хорошо бы было убежать, забиться в какую-нибудь щель, чтобы никто не видел и не слышал, и там внемая повать. Но тут же он вспоминал, что распускается семья, что он единственный мужчина в семье и что отныне он должен быть стойким и мужественным, как отец. И он бежал покупать сажен и покрывало на гроб и сяди выбирать место на Оринское кладбище.

Поздно ночью, когда в доме остались только самые близкие и ветер колыхал пламя свечи вокруг гроба, Володя встал и подошел к отворам дверей. На крыльце их мохнатой доходящей до пят трубе стоял Ефрем. Он задыхался от быстрой ходьбы и волнения.

— Ефрем! — закричал Володя. — Ефрем! Как ты мог, как ты смел! Ты же знаешь! — Володя. Он пробрался сюда прямо к Ефрему, и гимназист отшатнулся — так изменилось это лицо. Он остался Володой бесшумным, мечтательным мальчишкой. Теперь перед ним стоял юноша с тисками складкой на лбу и усталым гномом.

— Как ты мог, как ты смел! — продолжал почти бессмысленно повторять Володя, и вдруг что-то прорвалось в нем, и слезы беззвучно брызнули из глаз. Слезы текли, и он их не утирал, будто ругал и него быда занят, хотя он ничего в них не видел, и слезы текли, и у него слезы в кулаки — порывисто и упруго.

И Ефрем почувствовал себя маленьким и беспомощным перед силой этого гора.

* * *

Лесничего похоронили на Оринском кладбище. После похорон у семьи осталось три рубля.

Из большого дома пришлось перебраться в Андреев. Туда перевезли такну, на которой умер отец. Остальную мебель распродают. Семья была словно огулена гором. Все делало лихорадочно, почти бессознательно. Что теперь будет с ними? Куда они денутся? Накто: ни мать, ни дети — не мог бы ответить на этот вопрос.

Приехала Люда, самая сильная, самая энергичная из семьи.

— Мы должны все ехать в Москву, — твердо сказала она.

Зачем? Две знакомых в Москве не было. Но Люда не думала об этом, и как сказала в Москве. Ей просто хотелось поскорей увести семью из города, с которым было связано воспоминание о большом горе.

Будь бесконечна ее: он стал угрюмым и немолчаливым. Улыбка его отлежала, он начинал укладывать книжки и с недоумением глядел на Олю, которая жаловалась, что ее разлучают с Кавказом.

Нет, теперь Володя ни за что на свете не остается бы в Куваче! Россия, путешествие Москва—все это было близко, почти осязаемо!

Провозжат семья поехала все «Египетская бригада». Все было молчаливым и грустным. Семья не знала, что ждет ее на новом месте. Мальчишка было жалко расставаться с Володей: они все крепко к нему привязались. Ефрем тосковал только на Олю.

Но вот и станция Рюон. Пора прощаться. Лица заплаканы. Другая стискивают друг друга руки:

— Счастливого пути, генавалей!

Володя ласково сел на полостат диванов. Он высовывался в окно вагона.

Кончилась изумрудная и голубая долина Равно. Кончилась гора.

Кончилась дельта...

Дверь в Гендриковом¹ обита изнутри железом. Когда открываешь ее, она слегка погрозничает, в арестах кажется, что все здесь в квадратик внезапно обменяется листовым железом, по которому с рамажу бьют тяжелой кувалдой. Это Маяковский серпанис. Глодос, привыкший себя чувствовать хорошо на площадке, здесь стеснен, затан стеснен. Он замыкается стеклом окна, дремать пробирает стазу камы в буре:

— Не понимаю! Ни чорта не понимаю! Не хочет повать. Дураки или мерзавцы? Или ты и другие. Да чего же им хочешь отказать меня в стору!

Еще не успокоилась, кажется только что изобретенная на рычажок трубка. Был крепкий разговор по телефону. Кто-то уже с утра сводила литературные счеты.

2-35-791. Утром Москва рвется в телефонную трубку. Звонит из редакции. Просит прислать на заказ. Завантажить планку. Другая читает удачные стихи, написанные ночью, и горестно подсчитывает, сколько должны за вечерней программ. Журналисты сообщают новости со всего мира — новости, которые не попали в газету. Ему не терпится узнать, что нового на земном шаре. Усердно названывает нездоровящиеся врата провинция.

Телефон висит в узком простенке между окном и дверью из столовой в комнату Маяковского. Маяковский встает на звонок и левой рукой еще издает крепко берет трубку. Так лезет на ручку и на раме, чтобы распахнуть окно, открывающееся вонизур. Шнур у трубки алмазый. Можно, держа трубку у уха, пойти в дверь. И Маяковский крутит и интуитивно встает в узком простенке между окном и дверью из столовой в комнату Маяковского.

Маяковский встает на звонок и левой рукой еще издает крепко берет трубку. Так лезет на ручку и на раме, чтобы распахнуть окно, открывающееся вонизур. Шнур у трубки алмазый. Можно, держа трубку у уха, пойти в дверь. И Маяковский крутит и интуитивно встает в узком простенке между окном и дверью из столовой в комнату Маяковского.

Так он расхаживает по этому полукругу между окном и дверью из столовой в комнату Маяковского. И все совсем в другом регистре бегато рожнет его бас.

— «И! днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом», — говорит он, прохаживаясь возле своего аппарата — иде направо — везь закрутит, налево — стазу говорит...

Потом, выслушав что-то, он разом млачает. Он мннвает колдыть бытосе, натянута шнур доозуак, снова рвется с приваки. Толкая что-то полевная трубка — и снова звонок. Звонит из «Комсомольской правды».

Теперь он ходит весело, размакивая свободной рукой. Алмазный ушко слынува павороче длево избок. Уже не попявляея является телефонный шнур, а проводом, по которому прошел слуховой ток, плавивший в движение этого только что угрюмого ослешего человека.

Очень здорово, что позвонили! — радужно говорит он, скокча в трубку свой большой гройной глаз. — Просто спасибо, что позвонили. А я только что со всем этим перевернулся. Завалился хлябем и упел не прозлуд. Ничего, я еще им пеленюны поскребу. А стихи дам завтра же. Тема вполне рокошная, сама в строку лезет. Это дело явно так разлолбать и газете!

Скритп по снугу снак в тиком Гендриковом перекуле. Маяковский еще лежит на дельтовом диване. Тихо так гудит. Там, вдали, слышен базарный шум Таганки не доходит стола.

В Гендриковом перекуле, в доме 15, жил В. Маяковский. Память перекуле Маяковского,

Погромичивает железом входная дверь. Принимает ворох газет, журналы «Крокодил», «Строитель», «Ленин» и другие, издается 30-й год. Январь.

И вот опять звонок в телефон. Маяковский берет трубку. Он смотрит взглядом на нас глазами очень серьезными и задумчивыми.

— Да! — говорит он в трубку. — Хорошо.

Буду. Его приглашают выступить на торжественном траурном заседании в связи с гибелью Володы. Он берет чистый отрывок из своей поэмы в шестую годовщину со дня смерти Ленина.

— Буду читать в Большом, — повторяет он нам тожественно. — Ленин! — будет читать. Это — для меня большое дело. Все-таки, значит, пробил кое-где солнце. В Большой уютно. На ленинских вечера Буду читать как зовут. Поитибуо будет. Сталин! будет. Кониетри.

Он останавливается. Потом идет в свою комнату. Обнабачивается в дверях:

— Пожалуй, самое ответственное выступление в моей жизни.

Через несколько дней и застаю его утром еще до завтрака. Телефон звонит, но он не подходит. Он занят. В больших мчгих кончях туфлях он рассказывает по своей комнате в Париже, а в нем ничего не валант. Центр инкошо — перефинанс открываеся, на периферии натянены, — центр виден. Чорт их чает, на кого явню?

На выносе, где стола бегом лежат его рабочий блокнот и рядом вемная книга. На листке знакомой лесенкой располосичены, неподписанные строки. Это пишется стихотворение для ленинского номера «Комсомольской правды». Но сейчас он занят другим. Заложив диван пальцами стаминки, захлопнув книгу и держа ее в согнутой руке ивнесу, он расхаживает по комнате, вполголоса читая своего «Ленина».

Он, всегда думавший стихи заново, поминший сотни чужих стихов, ревниво понаблюдничав, он сейчас доходит до своего стихотворения, которое он как инкошник перед экзаменом еще и еще раз повторяет знаковые строфы, чтобы затвердить их пошпече.

Никогда не видел, а вот сейчас увидел, как промолчит Володя. Хотелся здорово прочесть. Ужасно хочется здорово прочесть. Почтнее же вы-ступление!

* * *

21 января 1930 года. Большой театр.

Кончилась первая часть торжественного траурного заседания. Все снова занимают свои места. В зале входит вперед, и вышедший человек объявляет:

— Слово имеет поэт Владимир Маяковский. Аллодоместные приветствуют сперва меня, а потом и ленинского номера «Комсомольской правды» в простомном темнессом, кичиную земна, костюме. Даже здесь, перед шестью друзьями гигантского зала, среди многообразных сжук, в огромном зале сены, он кажется таким же кичиным, как подполковники инкаким умеленным. Сразу же чувствуют, что он пришел сюда к месту, что масштабы зала и сены, ртукых ярусов, глубина потолка идут внаступу.

Он выдает свой глагому краю сены, может быть, даже сланком к краю, и свет, идущий снизу, резко выделает на его лице могучий рот и подбородок. Одному ему присущей пр-

вадкой из-под неподвижных бровей он круто обводит зал своим большим глазами, всех забрав в один торжеский взгляд. Слегка откинувшись назад, прочно утвердившись на чуть расставленных ногах, он медленно разжимает сильные губы:

— Читай последнюю часть из моей поэмы «Владимир Ильич Ленин».

И вот во все уши, во все локти, едва не колыхнув красного бархата занавесей, словно разбитая подкова зала, вторгается никогда в этом зале неслыханный голос:

*«Если бы
выставили в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозои.
Еще бы —
такое
не увидишь и в века!»*

И зал замирает, предчувствуя, что сейчас будут сказаны слова ужасной силы. Сейчас этот высокий громогласный человек вернет всех к боли и горю, которые еще не зажили за эти шесть лет:

*«Поголок
на нас
пошел снижаться вороном,
Опустили соломы —
еще казни!»*

Люди в зале пригибают головы, на которые легла чужуиная тяжесть вскрывшегося в стихах гора:

*«Задражили вдрызг
и стали черными
лобстр расламывалась осень.»*

Вот эти самые лохоты. Их пригласила тогда страшная смерть. Здесь, в том же самом зале, на «Следе советов прозвучали эти слова:

*«— Вперед
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин —»*

Тяжелый приглушенный вздох двух тысяч людей словно распахивает ребра — ярусам выходного зала.

Все вернулось. И этот черный день, когда «стихишки» расстреливались дети, и как дети плакала сдоборобая, и мороз того дня, и молчаливые в дыме тяжелого дыхана очереди у Дома союзов, и бедой нависшее январское мглистое небо.

*«Здесь
каждый камень
Ленина знает
по томоту
первых
октябрьских атак,
Здесь
все,
что каждое зямля
выжило.»*

задумано им и велено им.

*Сейчас
прозвучали б
слово чюдотворни,
чтоб как умереть
и его разбудят —
плотина улич
враспашку разобьется,
и с песней
на смерть
ринутся люди.»*

С такой надеждой, с такой полновесной верой, с такой истовой меткой звучит голос Маяковского, что одновременно и в партере и во всех ярусах легкое шевеление, словно люди, поверив в силу этой невозможной жертвы, готовы ринуться с мест. Но голос Маяковского звучит вдруг глухо и безжалостно, «сходя на низ», где уже нет ничего, кроме бездонной правды непоправимого.

В Большом театре тихо, как было тихо лишь в Колонном зале тогда, и в киванье дни шесть лет тому назад. И слышно лишь легкое шипение проектора, в луче которого стоит поэт.

*«Знамен
плавающих
скользается шелк,
последней
пощетью отдиной:
«Прощай же, товарищ,
ты честно прошел
свой долбестный путь базоробный.»*

Печально и сурово произносит поэт знакомые строки этой старой песни, которую пел и Ленин. И кажется, что из гора нет выхода, что подкуруг ярусов сейчас сомкнется кольцом и не выбраться, не отягнется...

Но вдруг крепнет, мужает, раздала вшпрь стены, голос Маяковского:

*«Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.»*

*Я счастлива,
что я
этой силы частица,
что обиче
даже слезы из глаз,
Сильнее
и чище
мельза причаститься
великому частоту
по имени —
класс!»*

Он заставляет каждого чувствовать себя этой частью. Торжественное сознание единства заставляет всех в зале воспринять. Наступает момент великого передела, и голос Маяковского с вивоз горя вдруг одним «странным рывком» восходит на вершины, с которых виден весь мир. Четыреста тысяч новых коммунистов идут выполнять собою брешь

в рядах. Поднимают якоря, уходя в море, бьют хорала. Зарываются в свиные бобы подводные кроты. Всем знакомая изнурь, столько раз навывашилась на улицах, мечтательная и неукротимая эснет вдруг песня на весь зал Большого театра:

*«По морям,
по морям,
мычце здесь,
загтра там.»*

Маяковский делает шаг вперед. Он теперь на самом краю, на обрыве сцены. Он выпрямляется, словно он сейчас, как гейзер, ударил из-под земли:

*«Напрасно
кудак Европы драм.
Крочм их гололом,
Назад!
Не смеять!»*

Высоко поднята над головой рука. Раскрыта ладонь. Широко распрямлены пять пальцев. Маяковский как бы упирается в воздух перед собой. И ладонью кивку с высоты замка рушит на Европу свой вывод:

*«Стала
величайшим
коммунистом-органкистором
дизке
сама
Ильичева смерть.»*

С такой победительной искренностью, с таким непреклонным убеждением читает Маяковский заключительные строки поэмы:

*«Да здравствует революция
рабостная и
скорая!»*

Так верит он в людей, спавших в зале, — такой он им друг, что и там все невольно подается вперед, навстречу этому урганному голосу, наклоняется вперед и невольно приподнимаются:

*«Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.»*

А зал уже стоит, и овалы летят по залу в сливном грохоте ладоней. «Как будто жечь в ладонях мнур». Овадий сила растет и растет.

Маяковский стоит, окладывая подобрешными глазами это огулнительное сплющенное мельканье рук.

Он слышит, как из всех ярусов, из всех лож кричат: «Браво, браво, Маяковский!»

«Хорошо, Маяковский!.. Слава!»

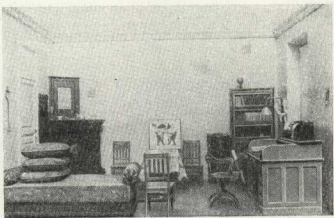
И грохочущая скоба ярусивоз отражает вдруг на огромном лице поэта затесливую улыбку.

Он улыбається, усталый и благодарный, и видит, как за барьером правительственной ложки, протянув к нему руку, вволнозанно вполздурует Сталин.

Фото И. Гушина.

Общий вид дома (перулок Маяковского, д. 15), в котором жил В. Маяковский. Здесь здесь помещается библиотека-музей его имени.

Манет рабочей компаты В. Маяковского в доме № 3 на Лубянской проезде. (Манет выставки в библиотеке-музее В. Маяковского.)

Маяковский рядом

(ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ В СТИХАХ «МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ».)

«Мне и рубля
не накопили строчки»
Маяковский «Во песь голок»

Не в приступе сожалений поздних
и не для того,
чтоб умалить молву,—
боюсь,
чтоб не вышла — великопостиж,—
и начинаю эту главу.
Мне в Маяковском
важны — не моция,
не взор, горячий бесплотным огнем;
страшусь,
чтоб не вышел он
стуже
и плаоде,
чем жизнь —
всегда клокотавшая в нем.
Теперь,
не стене,
застеклен и обранден,
глядит он с портретов,
хмур и утром.
А где ж его яростный темперамент,
везде поднимавший
движенья и шум?
Разве
из этого материала
он сделал,
что ташут биографы в Гихл?
В нем каждая жилка
жизнью играла
и жизнью играть
вызывала других!
Но мало было игроков:
один — хоть съел, да бестолков;
другой —
хоть и толков,
да скуч.
Навар —
на свой снимает суп...
Обычный вид:
соратник
ташенок сто парангет
и кичи,
зажав подмышку,
закпикивать на книжку.
Устроились все
от весла до мала;
обились, от'слись,
закпика на дачах.
Такая ли участь
его занимала —
зарытых костей
да зажатых подкачек?
Он все проуде
с быстрого ветра;
ни денег,
ни силы своей
не жалеет.
Он — сродна валюту
растрчивал щедро,
сердца — а не жалеет!
Не с тем, чтоб пополнить
процесса бюджета,
в заре,

наклоня вихор к вихру,
мы с ним заигравались
до рассвета
в разную карту,
в любую игру.
Он играл
на все, что
милось,
плелось —
сердцу человечесму сродни.
Он играл
на радость и на смелость,
на большого будущего дня.
Ветерком рассветным обвеваем,
заполняя улицу собою,
затываю на игры
и с трамваем,
с солнцем, с баншей, с площадью,
с судьюгой.
— Горло спал,
тапхались в гору клячи,
падал редкий,
сухойкий снежок;
он сказал мне:
— После неудачи
нинешея особенно свежо!
Вкруг его фигуры
прочной,
ладной
воздух накалялся до жары,
и дотеля в прозелель
бильярдной
дулами мелькавшие шары.
Вкруг него
больельничья,
араны,
мелнички, маркеры и жучки
горбились,
теснились — подкапывать,
оборвать червочников клоочки.
Ну и шла ж игра!
Кши гибгались,
фонари мигали с потолка —
на огромно выпаленный пален,
на овал
тяжелого белка.
Все огнем текло:
партнеры, ставки
разной масти и величин;
разгорался
самый тугоплавкий,
были все
в игру вовлечены.
Кто-то
кофе пил в соседнем зале,
чьей-то рыбы
морска чешуя...
— Вы двойное влесте!
Заказали?
Не платите:
отвечуа я!
Станутся
один красной неснежий,

по брышку
золотой цепочкой обвит...
Маяковский
в угол
кружного режет,
а тот ему под руку
говорит:
— Опустиай на дно,
попараску сядь,
дорогуша моя, не трать!
Маяковский пласком его отстранял
и продолжает играть.
— Ну такого не сделать ему
нипочем!
Это вам — не стихи писать!
Маяковский оттер его вновь
пласком
и опять продолжает играть.
Наконец,
когда случилось рядом
стать —
как будто видя в первый раз,—
Маяковский кинул сверху взглядом,
за цепочку взял его,
попарас...
Застыла острак
с открытым ртом:
— Завтайа день на дубе том!
Пшату,
бодрасея от сталинских слов,
усласнем морска лоб,
и мелкяк статей
небогатый удов
бумажным венком — на гроб.
Что есть, что нету их —
все равно:
любительское дреяндо.
А лучше всех его помнит
Арнольд —
бывший эстрадный танцор.
Он вежлив, смугля, высок,
хулошав,
в глазах — и грусть и задор.
Закпика ему за спину
край плаца —
совсем бы тореадор.
Он был ему спутником
в дальних ночах;
бывает так же —
невидком
в людской телескоп,
а небесный рычаг
их движет
вровень с планетями.
Он промнет каждое слово и жост,
жизного лида выражение.
Планета погасла,
а спутник — не лжея —
еще повторяет движение.
Собрались однажды
любители карт
под вечер, на зоне
в Крыму.
И ветер, как будто входя в азарт,
саураа
все ставляя
к нему.
Как будто бы ветром
схватя письма
в большого его лядов;
и Маяковский,
двоубольный, был:
— Бабочки на огонь,
Азарта ослыл каленный нагрес,
на море и тишь и гладь;
партнеры
ушли во тьму, озверев...
— Подьем, Арнольд, погулять?
— Помши!
— Давай засучим штаны,
пошлепаем по волне?
— Идет! — И вальд уходят они
настремку тяжелой дуны.
Один — высок и другой высок,
бредут — у самой воды,
и море,
наплескаиваясь на песок,
зализывает следы.
Варуг Маяковский
встал, застыл,
голову подлил вверх.
В глазах его
спутнички с высоты
отсвечивают перресерк.
Арнольд задержался в пяти шагах:
спит берег,
и ветер стих.

Стоит, наблюдает,
решает: — Ага!
наверное — новый стих!
Вдруг до них
из дальней дали
луной лезло влитою:
«Мы на лодочке катались,
золоти-я-стый, золотой!»
Где-то лодка
в море чалит;
с лодки — голос
молодой,
и тревожит и печалит
эта песня над водой.
И сама влетает в уши:
«Золотистый-золотой!»
и окутывает душу
в свежий вечер теплотой.
И молчим мы
или спорим,
завирая вдалеке,
все плывет она над морем,
не записана никем.
Маяковский
шел под звездным светом,
море отражало небеса.
— Я б считал себя
законченным поэтом,
если б смог
такую
написать.
Все так же поют
соловьи в Крыму,
которых
не услышать ему.
Все те же горы
в своем даму,
которых не оглядеть ему.
Иудино дерево цветет,
розовое от пени.
А он под ним никогда не пройдет,
отгорожая, отпес.
И столько новых людей родилось,
что всех их взглядом не охватить,
с которыми в жизни
не удалось
ни познакомиться, ни пошутить.
А он —
с самим Ай-Петри шутил,
гудки пароходные понимал
и с самым жарким
из наших светил
густой настой земли раскивал.
И столько новых событий
и дел
построилось в мировой парад,
и без него,
крутятся, прогулея
над Барселоней первый снаряд.
И новые пчелы
лещут свой мед,
и новые змеи
копят свой яд.
Но знает Земля,
что свое возьмет
над счетом горечи
и утрат.
Над синевой
углубленных рек,
над глубиной
плодоносных руд
настанет он,
непреложный век,
где будет
сладок
и пот и труд!
Наступит он
со всей полнотой,
чей облик
нам лишь по песне знаком,
кого мы звали:
«Приди, золотой!»
слова нерассказушим языком.
И голос-сокол
сойдет на низы,
неискореним и непобижим,
и мы его снова услышим
совсем нерастраченным
и молодым.

Владимир Маяковский. Снимок
1923 года.

РАБОТА С ПОЭТОМ

Реклама для Резинотреста. Стихи В. Маяковского, оформление А. Родченко (1923 год).

Вслед за Гумом нашими заказчиками стали Мосполиграф, Резинотрест, Моссельпром, Чаеуправление. Работа спорилась. Плакаты, вывески, упаковки, обертки — теперь нашу продукцию можно было увидеть и на улице, и в магазине, и в руках покупателя. Росла, крепла новая реклама — советская. А это уже было принципиально важно для нас, работников левого фронта искусства.

Нача вспомнить те годы. Это было время изна, частной торговли. Не всегда потребитель легко находил дорогу к прилавку государственного магазина, случалось и так, что шустрый лавочник ловил его на полдороге бойко составленной вывеской, зазванным объявлением. А государственные учреждения мало делали для того, чтобы информировать население об ассортименте, популяризировать начинания торговли и прочее. Но помимо того, что надо было покончить с этим космополитичным, превращалось еще дать бой той пошлости, менашкой прилизанности, которые пытались пронести и в рекламный плакат и на конкретную обертку. Раньше реклама высокомерно игнорировалась из сферы искусства. Вместе с папиросной коробкой, пакетом печеня в руки потребителя попадала алуларгия, пошла картинка. Борьбу с этой душной традицией и завидно давать новую, советскую рекламу, новую не только по содержанию, но и по форме.

К работе над советской рекламой Маяковский относился очень серьезно. В его глазах это был вид литературного оружия.

«Несмотря на поэтическое уподобление, — писал Маяковский в автобиографии — я считаю «Нигде, кроме как в Моссельпроме» поэзией самой высокой квалификации». И словом и делом ратовал Маяковский за участие работников искусства в создании новой рекламы. Характерная деталь: Маяковский сам оставал для Союза художников примерные тарифные расценки рекламных работ (текст, эскиз,

художественное исполнение). Эти расценки были потом утверждены.

Работали мы так. Утром Маяковский обходил учреждения и принимал заказы. Возвращаясь он домой с портфелем туго набитым всякими справочниками, ведомственными отчетами и прочим. Весь материал он добрососредно изучал, выписывал на бумажку интересные факты, цифры и после этого обдумывал тему. Вечером, часов в 7—8, и приходил к Володе за темами и текстом.

Иногда текст был уже готов, иногда дописывался при мне. Было интересно выслушать за Маяковским в эти минуты. Обдумывая строку, он ходил по комнате, бубня про себя фразы и обitava такую работу. Потом быстро записывал на клочках бумаги сложившийся текст. Иногда он передавал мне выписки со стихами и рисунком, но каждый раз при этом деликатно говорил: «Вот это я нарисовал, но тебе, конечно, не нужно, это я так, для ясности».

После обмена мнений о том, как лучше решить в рисунке тему рекламы, я шел домой и тутчас же садился за эскизы. Приходящий товарищи — студенты Вкутемы — и, расположившись с кистями у меня в мастерской, принимались за работу. Я же делал новые эскизы, следил за исполнением, выискивал самые ответственные куски, имелеч прокорри. Работали иногда до рассвета. Утром, часов в 11, я уже нес готовые плакаты Володе или он сам заходил за ними (ми жили тогда близко друг от друга).

Сначала работу обычно сам Володя, а был с ним вместе у заказчика только для раса.

Понимю, как он славал серию плакатов в Чаеуправлении. Один плакат почему-то вызвал сомнение. На плакате китаец был нарисован в фас; в вытянутых руках он нес чашки чая. Чашки дугой перекинуты в воздухе. Китаец смотрит на них вверх, как бы жонглируя. Сначала кто-то неустался, что китаец был изображен без косы. На это Маяковский заметил: «Коса есть, но она слава, если повернуть его спиной, коса будет видна». Потом сомнение вызвали чашки. Почему чашки держатся в воздухе, это ведь не реально? — Ну, известно, китаец — фантазия. — под обидой хохот присутствующих ответил Маяковский.

Плакат был принят.

В общей сложности было сделано до 50 плакатов, до сотни вывесок, упаковок, оберток, световых реклам, рекламных столбов, иллюстраций в журналах и газетах. Маяковский не только писал текст, он и сам рисовал рекламные лубки, этикетки, плакаты. Однажды он сделал серию рекламных лубков о продукции Мосполиграфа. Это была маленькая в стеках история злословлений завкаина, которую не велю на покупках у чистянка. В этих лубках все было сделано рукой Маяковского, за исключением надписей. Он же любил чертить и вымерять, а делал все от руки. Нарисует сразу карандашом, без помады, после ободает тушью, раскрашивает. Видно было, что дается это ему легко и орудовать кистью ему приятно. Рисование было для него отдахом, и он делал в эти минуты особенно ласковым и нежным. Часто он знал меня, что-

В 1923 году я часто работал по заданию общества Добродетель: рисовал марки, афиши, рекламные плакаты. Однажды меня попросили сделать большой агитационный плакат. Был дан и текст: «Гот не гражданин СССР, кто не состоит акционером Добродетели». Фраза длинная, громоздкая — язык сломаешь, пока выговорить. Я решил «подравнять» текст. Как ин старался, ничего путного не вышло. Махнув рукой, я сделал просто небольшую перестановку слов. Получился неуклюжий стихик: «Гот не гражданин СССР, кто Добродетля не акционер».

Через некоторое время этот заосчастный плакат попал на глаза Маяковскому и Асееву. Они подняли анализ именного составителя неуклюжих стихов. Я старинно обиделся и стал ругать повою за то, что они сами не пишут тексты к плакатам и что художником волей-неволей приходится браться за перо.

Не знаю, этот ли разговор навел Маяковского на мысль заняться рекламой или к этому решению Владимировичу пришел самостоятельное, но вскоре он предложил мне делать вместе с ним рекламные плакаты для Гума (Государственный универсальный магазин). Вот первые плакаты, сделанные нами:

«Нет места сомнению и душе:
Все для женщины только в ГУМе».

«Приезжай с дая из городов и сел,
Нечего в поисках тратить посылы,
Сразу в ГУМе найдешь все
Аккуратно, быстро и дешево».

«Самый деловой, аккуратный самец,
В ГУМе обзаведись мотгоревыми часами».

Вывеска-реклама Моссельпрома. Стихи В. Маяковского, оформление А. Родченко (1923 год).

бы помочь буквам выплывать или вычертить что-нибудь. Ярко воскресают в памяти сны, проведённые вместе с Володицей за составлением рекламных плакатов. Вот одна из записок того времени:

«Родченок.

Приходи ко мне сейчас же
с инструментом для черчения

немедленно

В. Маяковский».

* * *

Одно время я много работал по фотомонтажу. Купил себе два аппарата — один экспозиционный, другой — зумблестил Колак, единственный тогда хроникерский аппарат. Не было лишь увеличителя.

И вот однажды в магазине на Таврской я обнаружил увеличитель — один экспозиционный, другой — зумблестил Колак, единственный тогда хроникерский аппарат. Не было лишь увеличителя.

И вдруг прямо передо мной вырастает фигура Володицы. «Что с тобой, старик? У тебя такую убийную вилу...»

— Мне нужно три черновца! — выпалил я единым духом.

Маяковский тут же вынул деньги, а я помчался обратно. Нагруженный тяжелой кладью, я медленно возвращался домой, оглядая на прохожих магазинов. Шел и ругал себя: «Вот идиот, не взял денег у Володицы больше, на извозчика...»

Домашка рассказала, что Маяковский зювил и спрашивал, что со мной: он встретил меня расстроенного, и спросил, что случилось. Чепуха, а взял, ничего не сказал и убежал куда-то...

Это маленький эпизод, но я его помню... Отношение Маяковского к товарищам всегда было очень чуткое, внимательное.

* * *

Волода очень часто ездил за границу. Он не любил никаких проводов, встреч. Его отсутствия не бросалось в глаза: он продолжал печататься в газетах, адали от родины он жил его интересами.

Волода привозил с собой туто набитые чемоданы. Чего тут только не было! Книжки и журналы по искусству, плакаты, театральные афиши, каталоги выставок, проспекты, фотографии. Маяковский в узком кругу обычно мало рассказывал о том, что видел. Зато в публичных выступлениях, в стихах он выкладывал все, что накопилось у него там, на чужбине; заграничные впечатления часто облекались у него в форму блестящих панфлетов. Мне казалось тогда, что дома он потому ничего не рассказывал, что не хотел возвращаться перед слушателями, перед читателями.

Маяковский терпеть не мог коллекционирование — в буквальном и переносном смысле этого слова. Постому однокласснику с тем, как в публичных докладах, стихах опустошались запасы его заграничных впечатлений, так тайно содержимое чемоданов. Там, на Западе, Маяковский горючо интересовался лезвием, революционным искусством живописи, театра, кино, скульптуры, архитектуры. Вместе с монографиями, проспектами, каталогами он привозил нам дорогие предметы современного Запада, показывая нам его таким, каким оно было в действительности.

Маяковский любил и крепко был связан со всеми видами искусства. Он хотел, чтобы искусство стало достоянием миллионов, чтобы оно шагало в ногу с нашей стремительной жизнью. Он мечтал в стихах:

«Когда же
прогреется сквозь заставы,
и праздник будет за болыю бок, —
лишь
все украшаем
расцветить заставы —
любите любовь!»

ЗА ЧТО МЫ ЛЮБИМ МАЯКОВСКОГО

БОДРОСТЬ И ИСНОСТЬ

Среди книг, прочитанных мною из «Седовых», было несколько томиков Маяковского. Его стихи часто звучали на борту ледокола. Признанным знатоком поэзии был у нас гидрограф Виктор Буйницкий. Он знал наизусть многие произведения поэта и нередко, входя в кубрик, приветствовал всех энергичными стихами Маяковского.

Чем дорог был нам, словником, Маяковский? Прежде всего ясным, бодрым содержанием своих стихов. Стихи Маяковского вселяют в человека новые силы, зовут к дружной работе, к упорной борьбе со стихией или врагом:

«Хорошо у нас
в Отряде Советов.
Можно жить,
работая можно дружить».

Эти слова поэта с особым волнением повторяли мы, седовцы. Балаи от родины мы старались во всем быть инициативными советскими людьми. Дружба, настоящая, советская дружба спаяла наш небольшой коллектив.

Очень мне нравятся сатирические стихи Маяковского. Метко, зло, едко бичевала поэт все то дрянное, что осталось у нас от старого мира. Вместе с нами борется Маяковский с «родными пятнами» капитализма, вместе с нами строит коммунистическое общество.

Герой Советского Союза,
машинист ледокола «Седов» И. ШАРЫЛОВ

БЛИЗКИЙ, УМНЫЙ ДРУГ

Мне пришлось еще сравнительно недавно встретить человека, который, ни разу внимательно не прочитав стихотворений Маяковского, рьяно стал распускать об их «неполноты». Конечно, это чепуха. Маяковский полнее каждого, кто умеет обдумано читать, а не халявно мямлеть по книге. Я однажды читал своим товарищам, рабочим нашего завода, стихи об Иконе Космына, о Нетте, о советском паспорте. Они просили меня читать еще и еще... Чувствовалось, что стихи их волнуют...

О себе я могу сказать без преувеличения, что для меня чтение Маяковского — насущная потребность. Я люблю его потому, что Маяковский — это мои слова, советские люди, наши чувства, мысли и стремления:

«Там
дорога
указана Лениным,
все дотрие
ирины и границы.
Вулдем
только годами великим,
а делами и жизнью
красным».

Маяковский — близкий, умный, веселый товарищ. Он учил не читать жеманно и в обстановке «скромной дружбы» видеть перед собой великую цель — «коммунистическое далекое».

Может быть, это наивно, но я часто думаю, какие стихи написал бы Маяковский о метро, о рекордах детчиков, о седовцах...

М. РЫДНЕВ,
токарь завода № 33

МЕТКИЙ ПРИЦЕЛ

Осенью 1939 года я участвовал в освободительном походе Красной Армии в Западную Белоруссию. В эти дни я особенно остро ощутил гордость за свою родину — родину свободы. Когда мне с товарищами окружали крестьян, когда они расширяли нас, старшинцев, о жизни в СССР, мне хотелось встать перед ними и сказать словами Маяковского:

«Тягите,
волюйте,
а —
а —
рождения
Советского Союза».

Когда мы безоруживали последних польских воля, я вспоминал прозрачность, нашего «поларда» стиха. Еще в 1927 году Маяковский сумел под минурами блестящих полументов и гадунов разглядеть подлинное существо брива-

шей оружием, кичливой панской Польши.

Маяковский не писал трескучих, механических фраз. Многие его стихи настолько свежи, современны, что, кажется, их нужно отдавать для опубликования в ближайшем номере газеты:

«За барьеры,
на Англичей
и шапок лай летит, —
уже
у новых Врангелей
выстрелят адетить».

Если снова будет дан приказ идти в бой, то в моей походной сумке вместе с внутренними вещами будет находиться томик стихов Маяковского — великого поэта революции и ее великого солдата.

Лейтенант Л. КУДАКОВСКИЙ

На страже. Фото Д. Дебазова.

ГОТОВЬСЯ!

Думай,
 товарищ,
 о границе,—
 штык у них
 на советы гравится.
 Ухом
 к земле,
 пограничник, притихни —
 шпора
 еще
 не звенит на Денижине?
 Может быть,
 генерал Шкуро
 взводит
 уже
 заржавевший курок?
 Порасспроси
 у бывшего плешного,—
 сладко ль
 рабочим
 в краях Чемберленовых?

Врангель
 теперь
 в компании ангельей.
 Новых
 макушат
 Англия Врангелей.
 Эря, што ля,
 Англия
 лезет в Балтийское,
 грудь-волну
 броненосцами таская?!
 Из-за цветов
 дипломатовых ляс
 газом
 не дуэт ли
 ветер на нас?
 Все прикинь,
 обдумай
 и взвесь,
 сам увидишь,—
 опасность есть.

Не разводять же
 на гучах кадрили,—
 строи
 Антанта
 свои аскадрильи?!
 Экспресс капитала
 прет на крушение.
 Но скоро ль?
 На скорость —
 И наша страна
 надежда слаба!
 пока
 в окружении
 заводчиковых
 и банковских собак.
 Чтоб вновь
 буржуями
 не быть обворовану,
 весь
 напрягись
 ровнее струны!
 Сегодня,
 заранее,
 крепи оборону.
 Крепи оборону
 Советской страны!

В. И. Маяковский

1928 г.

СПОР СО СТАРЫМ

Из куртуво кинг, отживших свой короткий век, им является «старое, но грозное оружие» Владимира Маяковского и с увлечением оцупывает «железки строки бессмертных произведений поэта.

Нет, им нестрашна ржавчина времени. Наоборот, само время чудесным образом закаляет это неокрепшее поэтическое оружие, сообщает ему новую силу и остроту.

Нетускнеющие строки отлиты из драгоценного металла, и мы знаем: прежде чем дойти до такой крупинки ето, поэт вывозил «тысячи тонн словесной руды».

Каждой своей строкой, нигде не бывшему в найме, всеми ста томами своих партийных книжек Маяковский с присущей ему злобой силой поэта борозда за дело атакующего класса, за коммунизм.

Словани, полными искренности, задумчивости и нежности, Маяковский говорил о большевистской партии и ее вождях, о своей родине и ее людях, о прекрасном будущем нашей страны.

Но чем сильнее и нежнее любил поэт свою страну, тем яростнее ненавидел он ее врагов, с теми большими гневом обрушивался он на разных мерзавцев, которые «хоят по нашей земле и воюют».

Повиные непонелювые было жжение гневных слов, которые поэт обращал против врагов. Он не повергал их добородному осмеянию: он их уничтожал.

Маяковский был неслепым в своей ненависти к мерзости и хлему старого мира, ко всему, что мешало «вратись в завтра, вперед».

Поэт чувствовал прямо-таки физическое отталкивание к обывателям, мешанин, пошлякам. Всем существом своим: «хланин, сердцелюбием, голосом» — Маяковский ненавидел.

«Всё,
что в нас
ушедшим рабом обито,
всё,
что мелочиним роим
оседало
и осело бытом
даже в наших
краснофлагом строе»,

Маяковского глубоко волновали дела и душа советской молодежи. Кто еще с такой поэтической откровенностью, с такой теплотой и любовью относился к молодежи?

Маяковский никогда не лстыл молодежи, не завлекал перед ней. Он обращал к ней словом, полным требовательности, принципиальности. Поэт не переставал звать молодежь вперед, воспитывать в ней классовую настроенность, разжигать ненависть «ко всякой дряни и ерунде», прививать любовь к революционной, большевистской партии, готовить молодежь к защите родины.

Маяковский был и остается воспитателем советского юношества, того самого молодого поколения людей, которое, наверно, выйдет «в свой полдень коммунизма».

Он умел видеть сам и показывать другим «коммунизма естество и плоть» в фактах окружающей действительности.

Он не устал напоминать молодежи о том, что коммунизм создается не только на заводах и фабриках, но и дома, в семье, в быту:

«Кто не выдержал натиском домашним,
счит
в уюте
будущим роз,—

до грядущей
жизни мощной
тог
пока еще
не дорос»,

Громовой голос поэта, звучащий как набат, будил всех, кто безмятежно спал «в уюте бумажных роз».

Для автора стихотворения «За что боролись» молодой пятиклассик — не просто аллюгория, но человек, который обрывает самого себя, свое будущее:

«Над пивом
нашим конюшам ли
скланять
свои мысли ракитовые?
Нам
путь
в грядущем
все соки земли,
как нашу,
мир заприкрываешь»,

Маяковский отталкивает молодым людям даже в самом праве называться молодежью, если они разабаривают свою юность на попойки, депюные романы, если они не озабочены передовой жизнью и не добиваются того, «чтобы дни труда были радостны и легки».

Горячо и настойчиво боролся Маяковский с обывательской молью, с мешаниной тинной. Он призывал тиндле, интожные пидальи людей, забившихся в свой малосветлый комнатный мирок, и открывал перед молодежью широкие революционные горизонты.

Он смаял «бита молодежи нестойкие, фальшивые румна пошлости, власто обывал струны у всех сочинителей пасторалей, у всех, кто «мыаоднит из-под стены, у кого вышибл мысли трюкот лирный».

В первые годы века усилилось буржуазное влияние на молодежь; она была менее задела, более падка на «взачую жизнь». Обыватели, пошляки и «прошляки» вылезали из своих нор, все нагнее становилось «мурю мешанин». И понятие колочная настроенность и страстная ненависть поэта, особенно в те годы, к обывателям, к их кабачерному уюту.

Свою известную комедию Маяковский озаглавил «Клоп». Клоп здесь — и паразитическое насекомое, которое Пьер Скрипкин привез с собой в будущее, и классовое олицетворение мешанина. Вот почему обыватель и перерожденец Пьер Скрипкин, «бывший рабочий, бывший партизан, ныне жених», с таким умилением следит, как по стене ползет последний клоп: «Клоп, клопик, клопуаа!» — нежно вызывает обывателя.

В одном из стихотворений Маяковский прямо призывает: «дальше порокоч универсальный, сразу убивающий клопов и обывателей!»

Еда ли не самым живучим и поэтому опасным оказывается «покрытый плесенью старенький-старенький бытик», когда речь идет о любви, о браке, о семье.

В представлении мешанина даже самое высокое понятие «любовь» снижается, сужается, обесцениется. Разве благополучное, мирное прозание двух молодых людей в «уют бумажных роз» — полноценная любовь?

Настоящая любовь толкает человека на подвиги, с новой энергией пускает в работу «сердца выстанный мотор», зовет дерзнуть, бороться, изобретать, вратись в завтра, вперед.

Гениальное выражение эта мысль поэта находит в следующих строчках:

«Любить —
это с простын,
бессонной равнин,
ревнуа к Копернику,
ею,
а не мужа Марья Ивановна,
считая
сеоим
сперником»,

А разве мало у нас и сейчас молодых людей, для которых любовь не является источником творческого беспокойства, новых исканий и новых требований к себе? В их мечтах любовь — тихая гавань, где никогда не бывает ветров и течений, где непроточная вода зашепчет «зеленой тинной мешаниной». Разве не встречается и сейчас самодовольные обыватели, чей облик как бы говорит: «Нравится своей жене, и то довольны домелью?»

Нет, Маяковский не по сердцу эта крошечная любовь. Вот почему он восклицает в одном стихотворении:

«И любви
предупреждаю
слово свое,
из сердца сделанное
а не из ваты»,

С большой силой были строки Маяковского по легкомысленным молодым людям, которых легко пожать «на дряни, на прокошей паре чужест». В стихотворении «Любовь» поэт говорит:

«Надо
голос
подымать за чистоплотность
отношений наших
и любовных дел»,

Морально нечистоплотные людзики, емужа на час, нововалеющие жуликоватые донышки, по-хамски относящиеся к женщине, забывающие о своих обязанностях по отношению к детям, — все их настигает остро отточенное сатирическое оружие Маяковского:

«С цветка на цветок
молодом стреклолом
похваст,
летает
и мечется.
Одно уле
в мире
кажется злом —
это
ампантинка.
Он рад умереть,
эконома треть,
три собы
судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не мол,
и я вообще
кастрат»,

Гневный голос поэта обращен в к молодым женщинам, которые слишком много прощают хам-мужьям, не решаются пересмотреть семейственную канитель, «чтоб кончилась сама помещь драк, пьянства, лжи, романтики и таза». Владимиру Владимировичу не устал напоминать молодому читателю:

«Поми
ежедневно,
что ты
зодишь
и новых отношений
и новых Любостей...»

Нет, спор со старым не кончен. Нужно перестроить быт, «изданить» старых, помочь молодежи в формировании новых вкусов, привычек, интересов, привязанностей, устремиться шапером колымаге дореволюционного быта.

Владимир Владимирович не может остаться равнодушным, когда видит, что студенческое общежитие походит не то на мусорную яму, не то на заспаный свинарик; что каждая-то Надя хочет «фигурить» в платье с эмблемами «серд и молот», пущенными по ветру; что в комнате «смотрят с полочки на счастье три фарфоровых слона»; что у молодого человека больше галстуков чем книг в его личной библиотеке.

— Не в галстуке дело,— говорит в «Клопе» по адресу Пьера Скрипкина парвез из рабочего общежития,— а в том, что не галстук к лицу, а он к галстуку привязан. Даже не думает— головой пошевелить бонуса.

Автор вовсе не ратует за то, чтобы юноша ходил в театр в спецодежде, а крамольные рубашки носил наизусть. Он предпочтет— это лишь противник психоза (или сморзана)— пиджачки, для виду— плагиолек и неумного уделения модой:

*«В моде
в каждой
часть положено,
что нельзя без провозки,
а без соловья можно».*

Увлечение молодежи заграницем «шпакер» также вызвало резкую отповедь Маяковского. Как зло идиозаме над монтером Ваней, который, не желая отстать от парижки, «Бесе» присвоил звание: «электротехник Жан». Присвоение становится Пьером Скрипкиным, и сызмалку знает фамилию, а романс. Как умело разоблачал под гиндулю романтику великосветской жизни, «изысканного», «аристократического» обхождения.

*«Образят
и скажут:
— Мерси, мусе,—
изнасластур
и скажут:
— Пардон, мадам».*

Что же, Маяковский выступает в роли красного патриота, когда он высмеивает тяготеющие молодежи ко всему заграницему? Во все нет!

*«Смотрите на жизнь
без очков и шоп,
лакеши жидышки читайте
все то,
что у нашей земли хороши
и что хороши на Западе».*

Но если интерес к Западу ограничивается только западными тапанами, «размысканннми» шкелетками и не распространяется, например, на иностранные кино, поэт, естественно, негодуует. Тем более что находились люди, которые хотели «марксистский базис под жакетку подвести».

Кое у кого может составить впечатление, что Владимир Владимирович— какой-то аскет, скупая классная дама мужского пола, которая не перестает докучать молодежи пресными наставлениями.

Выступая в 1927 г. на диспуте «Планоное застроеие среди молодежи», Маяковский говорит: «Я не за высунывание нашей работы. Работай-де и живай без танцев и без пива. Нет... я буду пивно похвалять и не крива душой. (С места: «В стихах?») И в стихах и в прозе».

И пиво, и веселые тинцы, и веские другие развлечения сами по себе являются прочтением меншвиства. Маяковский тревожится лишь, чтобы всем этим не ограничился круг интересов юношей и девушек.

Маяковский отнюдь не поимал, что «быт не арт в дверь,— быт ползет за щедеи». Из

щелки выползает все эти клузишки, хым, панкеры, хулиганы, шпиривки и т. д. Маяковский нарисовал целую галерею отрицательных типов. Все они порождены капитализмом и пытаются акклиматизироваться в нашей среде.

Хулиган. Философия его довольно проста: «Глуше все, если я глуп». От него нет прохода «ни женщине, ни мужчине, ни электрической лампочке», а все его сознательное времепрепровождение— какая-то сплошная

*«Бомба
из матрицы и узарот,
пишет
слапности
и бескултурья».*

Сплетник. Весь мир представляется клузику огромной замочной скважиной, через которую можно сплетать в чужие дела и постели. Он вечно коверкает, сплюснывает салютности, занимается «матрицей», «быстро всем доложено в суде что выросло у соседа».

Панкер. Распространяет глупые бредни и враждебные измышления. «Из мизу делает слона и после пародит слоуноую кость». В это время как страна готовится к бою, он облобывал себе место в очередях. Наш панкер— не дирижер оркестра, а всего только бухгалтер. Тем не менее, на всякий случай, он поспешно приобретает двенадцать грассов дирижерских палочек. Вот мировоззрение панкера: «...надобно покамест есть, все достать, всего побольше накупить и приобрести».

Скрига. Субъект, который в стремлении скопить побольше денег, скардинчат, экономит на чем угодно. Скупил перестал покупать галстук, перестал мыть мылом и даже несету в ценях экономии не прилагает с собой в кино. Из всей экономики молодого Пловкина интересуется только своей экономии. Он берет и «е удовольствием перекладывает книжку, интереснейшую книжку— «сберегательную». Она заслоняла собой все другие книжки.

Пьяница. Он иронически назван «душой общества». Алкоголик забыл о всех других способах общения людей кроме попойки. «Как же не пинши? Мы привалялись— отправляеяся пропойла перед читателем. «А что, товарищ,— задает автор вопрос пьянчужке,— если пропьем как брюки и коммунизм?»

Навегда остается в памяти у читателя гротескные, карикатурные фигуры хулигана, сплетника, панкера, скрти и пьянши, нарисованные поэтом с предельным мастерством.

***

Неоднократно выступал Маяковский против общежительского представления о личном счастье. Он обрушился на тех,

*«...кто, бросив
боротса
за общее лучише,
себе самому
оля сомух утех
мечтает
создать
камерный уютчик».*
Вопрос
о личном счастье
не прост.
Ктода
на республику
летит прощам,
личное счастье—
это
рог
республики нашей,
богаства и силы».

Как жестоко издевался Маяковский строфан некоего студента, который мечтал тольфан в будущем, о высшем образовании в будущем, о высоко зарплате, о дорогой шубе в шкафу!

Такого обывателя мало обеспокоит и нападение врагов на родину. Вот его нехитрая философия:

«— Аось,
оно,
без меча отбоятся».
Я—
обыватель
и жажду уютца...»

В известном стихотворении «Письмо к любимой Молчанова» немало жестких строк по отношению тем, кому «за любовной бражкой не сидят у порога вряжало».

Это стихотворение не потеряло ни грамма своей актуальности в наши дни. И сейчас находится немало молодых людей, которые любят разгадываться на тему о мобилизационной готовности и в то же время почитают в безматейности.

***

Вывае ли сталинское поколение молодежи, ровесники Октября и «додвадцатилетний люд»— их младшие братья и сестры— рассматривать сатирические произведения Маяковского в глаза не знающегогородово и лавочника, дакая и проститутку? Но эти педагоги и комсомольские работники признают, что очень часто молодой человек не чужд лести, хамит с девушками, он невежа и грубиян.

В чем же дело? А дело в том, что сознание людей отстает в своем развитии от тех жизненных условий, в которые эти люди уже поставлены. Капитализм, побежденный в нашей стране, все еще сопротивляется новому, цепляясь за пережитки и предрассудки в сознании людей.

Уродливые пережитки капитализма в сознании людей оказываются весьма живучими «даже в нашем красномфлагом строе».

*«Лоды— лодки
Хота и на суше,
Проживешь
свое
пока,
много осваих
еральных ракушек
наиплет
нам
на бокла».*

Вот почему и сейчас оказываются столь жизненными типы, нарисованные Маяковским: и рвач, и панкер, и любитель «изящной» жизни электротехник Жан, и пьянчужка-забульга, и сплетник, и злостный неплательщик алиментов.

Лично, конечно, за эти годы поредела, разной родичи и ерунда в быту молодежи стало неизмеримо меньше, но с тем больше яростно должны мы бороться против всеческого хлама и старья в быту.

Сам Маяковский полдет молодежи давать пример специализации, упорства, страстной борьбы с вошностью, мешаством всех колеров.

Именно потому, что сам поэт, котикунув будничную чушь, он приходит сегодня к нам, в наше «коммунистическое даекко», «как живой с живыми словами». Голос Маяковского призывает молодежь жить так, чтобы быть достойной своего настоящего и своего будущего, бороться за то,

*«Тоб жить
не в жерту дома дырам.
Тобт мос
ко о сачтот
в отине
стать
отец,
крайней мерг, мром,
землей, по крайней мерг,— мшь».*

ДОБЫЧА РАДИЯ...

Литературный монтаж Л. ФЕГЕЛЬМАН

«Покази та же добыча ради,
В грамм добыча, в год труды.
Извольши, еликого слова ради,
тысячи тонн словесной руды».
(И. Маяковский «Благодарю с двойным-
термом о поэзии».)

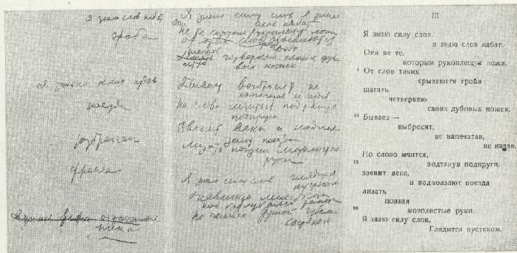

В. Маяковский на Крыковской площади.

1. «...Я зому, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтобы не мешать мычанию, то помпичиво быстрее в такт шагам.

Так обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом».

(В. Маяковский «Как делать стихи».)

Две странички из записной книжки Маяковского с заготовками ритми и строфами окончательного произведения; страница X тома полного собрания сочинений, в котором было опубликовано это окончательное произведение поэта.

2. «...Постепенно из этого гула начинаешь вытаскивать отдельные слова».
— Первым чаще всего является главное слово — главное слово, характеризующее смысл стиха, или слово, подлежащее рифмовке.

(«Как делать стихи».)

Владимир Маяковский выступает перед красноармейцами.

4. «Надо всегда иметь перед глазами аудиторию, в которой этот стих обращен. В особенности важно это сейчас, когда главный способ общения с массой — это эстрада, голос, непосредственная речь».

(«Как делать стихи».)

3. «...Предшествующая поэтическая работа ведется непрерывно.

Хорошую поэтическую вещь можно сделать и спрону, только имея большой запас предварительных поэтических заготовок.

«...Записная книжка» — одно из главных условий для делания настоящей вещи».

(«Как делать стихи».)

Записная книжка поэта и его вечная ручка.

1924
КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
21 января

1929
Слово читавшему и слышавшему
Льбом тети или плащом революций?
Что такое новый леф?
Что такое старый Полонский?
Пес и вапн. Ты
из Москвы.

Дело Ленина победит во всем мире!

По пути ленинизма

Разговор с товарищем Лениным

Слово читавшему и слышавшему
Льбом тети или плащом революций?
Что такое новый леф?
Что такое старый Полонский?
Пес и вапн. Ты
из Москвы.

Страница газеты «Комсомольская правда» со стихами В. Маяковского «Разговор с товарищем Лениным» от 21 января 1929 года.

5. «...Чистые» литераторы орут: газета снижает стиль, газета повседневностью оттаивает от углублен- ных тем.
— Нелепо относиться к газете, как к дурному обществу, приносящему поэтическую культуру.

— Сегодня быть поэтом-газетчи- ком — значит подчинить всю свою литературную деятельность публицистическим, пропагандистским, актуальным задачам строящегося коммунизма».

(В. Маяковский «Казалось бы ясно».)

СЛУШАЙ НОВОЕ!
РАЗГОВОР ДОКЛАД

Слово читавшему и слышавшему
Льбом тети или плащом революций?
Что такое новый леф?
Что такое старый Полонский?
Пес и вапн. Ты
из Москвы.

СРЕДА 26 СЕНТЯБРЯ

СОТСКАЯ АУДИТОРИЯ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

Выступит
поэт
ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

**МАЯКОВСКИЙ
ЛЕВЕЙ ЛЕФЯ!**

МАЯКОВСКИЕ СТИХИ

СТИХИ МАЯКОВСКОГО

сов-группа

клуб

сов-группа

радио

сов-группа

академия

сов-группа

«Кол» и «Гор»

сов-группа

элитарность

сов-группа

поэзия Москвы

сов-группа

Афиша вечера Маяковского, составленная самим поэтом.

6. «...продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читая, Мосочернидас, Винница, Харьков, Париж, Ростов, Инд- лис, Берлин, Казань, Сверд- лоск, Тула, Прага, Ленинград, Москва, Воронеж, Ялта, Ева- тория, Ватка и т. д. и т. д. и т. д.»

(В. Маяковский «Я сам».)

Владимир Маяковский в Колонном зале Дома Союзов читает поэму «Хорошо!» на вечере, посвященном 10-летию комму- нолта.

7. «Явнившись в Це Ка Ка
в Це Ка Ка
Идуших
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжи
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партинных книжек».

(В. Маяковский «Во весь голос».)

ВСТРЕЧАЯСЬ С НИМ...

...Зима 1924—1925 года. Общественную жизнь столицы будоражит многочисленная дружина о литературных, театральных и прочих диспутах. Обсуждая различные вопросы быстро доходят до нас, ребят,—вспоминанской школы юных натуралистов. Простая, да и наших обиходной расположенно далеко от центра Москвы — на заснеженных проспектах Сокольнической рощи,—однако на уроках литературы у нас идут не менее жаркие споры чем в Большой аудитории Политехнического музея, залах Московской консерватории или Доме Союза.

Имя Маяковского, его стихи в центре наших споров. Поют ли его не поют, поэтизируют ли или не поэтизируют? Потенциальная преподавательница литературы Глинича Ивановна «эксплуатирует» нас в огонь. В ее беседах мы то и дело слышим ссылки на непонятность Маяковского, на отсутствие в его стихах рифмы, ритма, на пренебрежение к таблице ямбов и ямбификации.

Но нас это не возмущает! Наш «лагерь» решительно опирается все утверждения преподавательницы. И, опровергая, декламирует на каждом шагу стихи поэта. Идем, выходящие на уроках, с новой силой возбуждая у нас ветеранов в столовой. И вот однажды, когда словесное сравнение чуть было не перешло в рукопашную, мы, ребята, в пользу Маяковского, решаемся на крайность:

— Ах, так? Ладно, мы позовем самого Маяковского! Посмотрим, кто будет прав!

Легко сказать «позовем!» Погдет ли он к нам?

Узнав, что Маяковский живет сейчас в одной из дач Оленьего проезда — совсем рядом с нами, — отправляемся вдвоем к нему.

И тут вспоминаю, как год назад впервые увидел Маяковского, шагающего по Маяковской в сторону Лубянской площади. «Смотри, смотри, это Маяковский!» — толкнул меня в бок товарищ, к которому я приближался огромный человек, в кепке, с пиланосой во рту и с простью в руке. Я жадными глазами смотрел на своего любимого поэта...

И вот теперь мы с Матей, два пионера 49-го сокольнического отряда, идем к поэту домой, звать к себе на разрешение ребячьих споров. Дух захватывало в ожидании встречи!

Однако встреча была самой простой и дружеской. Маяковский сразу понял, что за нашими спорами скрываются серьезные вещи, что беседа о «непонятности» его стихов самим ребятами не выдумана. И вот, оставив дома большого друга, Владимир Маяковский отправляется с нами доказывать свою «поинятность». По узкой тропке меж сосновых деревьев идем мы гуськом: два пионера и знаменитый поэт.

— Стоит ли говорить о том, что спор был решен в нашу пользу и что для этого Маяковскому достаточно было прочитать три—четыре своих стихотворения. Все без исключения были в восторге, горячо аплодировали поэту.

Апетит рос. Мы попросили прочитать только новые. И Маяковский прочитал «Заклятого человека» главы совсем недавно законченной поэмы «Владимир Ильич Ленин».

— По той же тропке, меж заснеженных сосен, провожала мы поэта. Понятно, что нас было уже не двое.

***

С этого началась дружба поэта с нашей школой и пионерским отрядом. Маяковский подарил отряду гору, звоня которого были слышны во все стороны.

— Кто там шагает правой? — спрашивал вождий.

«Леоид!
Леоид!
Леоид!» —

дружно отвечал отряд.

Стены украсились стихотворными лозунгами Маяковского. Мы жадно хватались за все, что было связано с его именем.

Мы были влюблены в Маяковского, все, что в плен его могучим талантом «заговорил», горлана-галавара.

Роль пассивных «почитателей» поэта нас не удовлетворяла, появилось горячее желание у себя, хотя бы в масштабе своего коллектива, делать те же самое дело, которое в масштабах всей страны делал Маяковский. Мы создали «Связку газет», в которой одновременно со стихами Маяковского, Асеева помещали наши собственные стихи.

Помню, как, с молодым задором взявшись за работу в «Связке газет», мы частенько обращались за консультацией к Маяковскому. Бывало, во время долгой и упорной рецензии поднимается спор: как произнести то или иное слово в стихах Маяковского, что является главным, и должно быть ударение и т. д. Кончалось это телефонным звонком к поэту:

— Владимир Владимирович! Рассудите нас. Как будет правильно?

И мы были получали справку, совет, консультацию.

***

В мае 1926 года мы провозили День леса. На праздник, который торжественно открывался на склоне у реки Юзум, был приглашен Маяковский. Поэт пришел. Он поднялся на трибуну, как всегда, поднял руку и начал читать стихи. Он прочитал нам «Сказку о Петле» — толстом ребенке, и о Симе, которого тонкий. Ребята, собравшиеся из всех школ Сокольнического района, были очень довольны чтением с поэтом. Аплодисментам не было конца.

***

Лично для меня первая встреча с Маяковским в Сокольниках была решающей во многих отношениях. И прежде всего она решала мое «привлечение». Я начал упорно работать над ангажиционным стихом, целиком отдаваясь «Связке газет» юных натуралистов. И вот здесь появилась необходимость в новой помощи Маяковского — помощи лучшего, талантливейшего мастера стиха.

Сколько раз с волнением брелся я за телефонную трубку, для того чтобы позвонить к Маяковскому. И всегда получал совет, поддержку, ободрение:

— Присылайте, товарищ Вереккин, образцы произведений не говорил нам, молодки, общих слов о наших стихах. Он никогда не разлагалостовал о «подавании надежды» или о «будущем таланте». Этого не требовалось. Маяковский умел найти в каждом стихах живую струнку, смелый оборот. После этого самому становилось стыдно за остальное — тусклое и «подержанное». Сколько радости и желания работать появлялось после каждой беседы с Маяковским!

***

Наблюдательный глаз замечал, что на вечера Маяковского горалились не только мы, друзья, благодарные слушатели и читатели поэта: выступление литературного великана привлекало внимание всевозможных «москвичей». Хорошо запомнил большойшей и долготрапный юнец с выгнутым голосом, считавший своим долгом появляться по приглашению Маяковского для того, чтобы мешать его выступлению.

— 1927 год. Политехнический музей. Маяковский читает замечательную поэму «Хорошо». Перед началом он объясняет смысл заглавия.

— «Хорошо» — это резюме по поводу еще происшедшего в Октябре 1917 года и за 10 лет после Октября.

И сразу же выгнутый выкрик:

— Но только не по поводу вашей поэмы! От, как трудно в такую минуту удерживать кулаки в кармане!

Однако крепче кулаки были отогнаны речника Маяковского. Мы и аплодируем и торжествуем.

***

Мы, комсомольцы, знали политическую историю и неподуности Маяковского. Он писал:

«Не тешился,
товарищ,
Словами
добродушие
в брэк.
Товарищ,
покажи:
между нами
отдувет
класовой враг!»

И слово у него и расходилось с делом. Ближайшая группа Мирянского расценивала о том, как однажды к Маяковскому явился посол от Иуды-Троцкого.

— Вы лжете, и мы лжем,— изумился явилый трюкст.— Давайте соберемте, поговорим о литературе.

Кончить ему не удалось: Маяковский указал пришельцу на дверь.

Маяковский был верным солдатом партии, честный беспартийный большевиком. Поэтому-то трагическая свора руками своей вражеской агенты в литературе так трудилась над тем, чтобы затравить великого поэта. Маяковский прекрасно сознавал:

«Рабочего
отряды класса враг —
он враг и мой,
отъявленный и данский.»

***

Была у Маяковского аудитория, в которой он неизменно получал зарплату и вложение. Это Красный зал Московского комитета партии, где собирался обычно комсомольский актив столицы для встречи с поэтом.

Помнится вечер перед второй крупной поездкой Маяковского за границу. Комсомольцы внимательно, по-хозяйски выжили в отчет поэта о первой поездке, слушали стихи о загранице, горячо аплодировали слухой и остротой отповеди незадающему критику, которому не понравилась стихи Маяковского, потому что, дескать, он, поэт, вместо преклонения перед заграницей, пишет о ней не пером, а шабром...

Как всегда — горячее обсуждение. Ребята хотят знать не только явны, но даже и «смету» своего поэта, которого они провозжат в заграничную поездку.

— А в каком классе вы поедете?

— В первом,— твердо отвечает Маяковский.

— Почему не в третьем? — допытывается один из комсомольцев.

— Потому,— отвечает Маяковский,— что раньше в первом классе толпы буржуа, и заграницей и сейчас только им достужен первый класс. Нам надо доказать, что поэт советских рабочих может ездить не хуже чем они.

***

Октябрь 1929 года. В клубе комсомола Роговско-Симоновского района Москва проводится слет художников «Комсомольской правды».

После доклада и выступления художников объявили перерыв перед «художественной частью».

Проходив получая, час — заставе все еще закрыт. Публика возмущена. Организаторы вечера в панике: никто из объявленных участников «художественной части» не едет.

Вернусь помочь. Звоню к Маяковскому. Подходят кто-то из комсомольцев «Маяковский доклад у него много народа, и он сильно занят». Все же к телефону отключают позвать. И вот в трубке знакомый голос:

— Здравствуйте, товарищ! Так что у вас случилось?

Объясню, что собрался ребята, обещали вы выступление поэтов, а поэты не явились.

— Ладно, на 15 минут прену.

Минус в такси, то что и дело умоляю пофера:

— Скорее, пожалуйста, скорее...

Приехали. Входим в прихожую. Настреу выходит Маяковский:

— Здравствуйте, товарищ Веревкин. Оказывает, это вы за мной прискакали. Ну что ж, едем.

В дороге Маяковский с живым интересом расспрашивает, что было на вчераше, кто из обещавших выступить не приехал, кто делал доклад. Поэту не было безразлично, хороший ли доклад слушали художники и долго ли их заставляли ждать «художественной части».

«Маяковский. В зале овация. Он вышел на сцену, раскеш организаторов и неважных поэтов, начал читать стихи.

И вдруг после первых же стихов Маяковский спрашивает у зала:

— А Веревкин у вас сегодня выступал?

В зале замешательство: «Какой Веревкин? Что за Веревкин? С чем он может выступать?»

— Да нет, у нас никто не выступал, — перешептываю кричат из зала.

— Как так? — с удивлением говорит Маяковский. — Вот у него есть стихи...

И я слышу, как, потрясая своим голосом зал, Маяковский (по памяти) читает мои частушки об охране лесов.

* * *

В феврале 1930 года в клубе писателей на улице Воровского Маяковский организует отчетную выставку «20 лет работы».

Торжественное открытие. Зал переполнен, окна настежь, во дворе люди, но повизание в здание. Все это молодежь, читатели. Впервые Маяковский читает «Во весь голос». Сила потрясающая. Вырвались словами самого Маяковского, «от слов таких срываются гроба шнать четверкою своих дубовых ножек».

Потом будни выставки, торжественное закрытие. Снова гремит «Во весь голос», и снова лет многих писателей, критиков. Маяковский говорит, что ему будто налетать, но видно, что у него необыкновенно завышены нервы, трость дрожит в руке.

Еще бы! Ведь в кулуарах Владимир Владимирович рассказывал нам, что сперва он хотел отчитаться именно перед своими товарищами по перу, поэту и открыл выставку в клубе писателей.

— Вечер окосел. Медленно расходится еще не остывшая от впечатлений молодежь. Спускаюсь по лестнице, слышу за спиной голос Маяковского:

— Ну, Веревкин, домой на Усачевку?

— На Усачевку, Владимир Владимирович!

— Что там у вас: новые дома?

— Да, целый городок новых домов.

— Ну, пока!

— Всего хорошего, товарищ Маяковский!

* * *

И вот уже десять лет, как нет среди нас «лучшего, талантлившего поэта нашей советской эпохи», лет среди нас главаря боевой поэзии социализма.

В канун этого десятилетия я снова и снова иду к тем местам, где гремел его неповторимый голос. Берега Ривны и Узуны, Политехнический музей и площадь в Сокольниках...

Я обхожу места, носившие его имя. Вот его площадь, его переулок, иржавяющая сталь лучшей станции метро... Из Москвы мысль моя летит к далекому Карскому морю, где пляшет, подкачавшись в волнах, бот «Маяковский».

«В наших жилах — кровь, а не вода. Мы идем спозарез революционной пай, чтобы, Умирая, подползти в пароконья, в строчки и в другие долгие дела».

Умирая, подползти в пароконья, в строчки

и в другие долгие дела.

Мечта о новом городе

«От Пушкина до «Известий» Как раз к ссу 6 компания была,

по Пушкину почти не выдать «Известий», мешают писателю «чортювы купола».

Маяковский писал эти строки в 1928 году, когда провозило здание Страстного монастыря теснело Пушкинскую площадь. Теперь «чортювы купола» не заслоняют здания «Известий». На том месте, где стояла колодезь-

нонастьер — асфальтовая гладь. Площадь стала такой, какой ее видел в своих стихах поэт. На снимке: вид Пушкинской площади в Москве, Фото И. Гущина.

«Под Московью товарищ Крот на аршин разинул рот»

Востричество гудит под землей трамвай идет».

Еще в то время, когда велись замыслиния будущей трассы столичного метрополитена, Маяковский написал частушки «Одноименно утонил про то, как пойдет метрополитен».

Метро прочно вошел в быт новой Москвы... Одного лишь не мог предвидеть поэт: что лучшей станции московского метрополитена будет названа его именем. Сбылось то, о чем писал Маяковский: мечтает под землей столица вострачские поезда. На снимке: молодежь на перроне станции имени Маяковского. Фото И. Гущина.

Поединок

Ему перебили коленную суставную. Разрывной пулей.

Он не мог идти. Впрочем, это было и неизбежно. Разведчик не столько идет, сколько ползет. Особенно здесь, в лесу, где за каждым кустиком, за каждой ямочкой, на которой так красиво лежит снег, тебя подстерегает коварный враг. Но и ползти он не мог. Трусов остался один. Надо бы возвратиться, сообщить начальнику данные разведки, но...

Он спохватился протинки, забывая, растерявшийся сегодня, в первый день боев, рыщущий на лыжах в белых халатах по лесу. Вот только что, паря по сторонам, пропал вражеский патруль. Нет, надо лежать тихо, ждать. Придут свои, вырвут.

Какая, однако, острая, гонимая боль! Санитара бы, врача...

Холодно. Штангина понемногу начинает пропитываться кровью. Ноге то тепло, то она кончается. Ну да ничего, кланьбуду надо перетерпеть. И не такое может случиться.

Красноармейца Трусова вынесли в лесу его товарищи. Но сорок восемь часов он мороз без медицинской помощи сделал свое. Трусов потерял очень много крови. Пятидесяти в крови вместо полнокровных семидесяти процентов осталось едва двадцать шесть. Рана запущена. Ступни обеих ног обморожены. Началась заражение крови.

Таким-то его и увидели три военных хирурга, собравшиеся у постели Трусова в одном из помещений отделения Военного госпиталя в Ленинграде.

Нужно было принимать немедленное решение. Немедленно!

Минуту трое молчали. Все было достаточно опытным хирургами, чтобы понимать почти полноту безнадежности положения. Двое суток без помощи — большой, нет не большой, а огромный срок.

Ампутация бедра, сказала один из трех — Сарражино крови... Нужно думать о сохранении жизни, а не ноги. Да и то сомнительно, чтобы можно было что-нибудь сделать.

Второй промолчал. Могли бы сказать иное? Думать о ноге действительно не приходилось. Проклятые сорок восемь часов. Будь на свете раньше, все было бы совсем иначе... Правда, теоретически до все потерно и теперь. Как-то так плавно, безуспешно, оставались. Но они настолько ничтожны... Конечно, организм крепкий. Но... Нет! Вряд ли... Вряд ли... Бы, что кажется, Александра Федоровна? — обратилась он к молодой женщине в

белом халате, из-под которого виднелась изрядная шекалов шея Трусова, уходящая в шее. Живые, смеялые глаза и твердо очерченные губы подчеркивали решительный склад характера. Она ответила сразу.

— Все, что угодно, только не ампутация.

— Заражение крови, вы знаете, Александра Федоровна, чем это обычно кончается?

— Конечно, — спокойно ответила Ермиевская.

— Из двух зол всегда выберите меньшее — лучше сохранить жизнь чем ногу. Не правда ли?

— Еще лучше сохранить и жизнь и ногу.

— Со сказанием, вам в лучшем случае дано выбрать: или жизнь или ногу...

Ермиевская представляла себе Трусова, уходящего из госпиталя на костылях, с аккуратно заколотой английской булавкой пустой штаниной. Когда он будет входить в трамвай, ему тотчас уступит место. Возможно, он даже возвратится на завод. И все же... все же молодой, полный сил и здоровья, он будет инвалидом, даже если ему изготовят самый лучший протез...

Нет! Не годится! Нужно было бы только знать его ногу. Только тогда, когда никакие надежды не останутся, только тогда пойти на ампутацию. Может быть, это слишком смело с ее стороны, но надо пробовать.

— И вы серьезно думаете об оставлении ноги, Александра Федоровна?

— Я просто думаю о том, что нога будет или очень нужна. Лучше иметь две ноги, чем одну. Вот и все.

— Была бы больная, Александра Федоровна ответила за него. И она начала борьбу, медленную, упорную борьбу за жизнь человека.

* * *

Все, что сделано за два месяца, записано в истории болезни. Все отобрано из стопки испещренных записми, сделанными разными почерками, разными чернилами. Безостановочно Косович и артезианские продолжения. Таинственные для не посвященного в аланские названия. Протокола коллобий сессии хирурга и следствия. Косович и артезианский текст денника превращается подкаленими по два десятка страниц артезианской чертой в середине. Это напорта консервированной крови. За двадцать один день ее перелили в Косович артезианский сантиметром. Семь человек отдали Трусому свою кровь.

Но есть вещи, которые не записаны, да и запись записать в историю болезни. Не записаны, например, того, что думает, что переживает врач в те часы, когда жизнь больного висит на волоске. Зель Ермиевская избрала путь не наименьшего, а наибольшего сопротивления, путь полного восстановления бойца. Сколько опасностей ждало ее на этом пути!

Мучительные часы! Бессонные ночи дежурств, когда на короткий отрезок времени внешне выступают спокоествия, а мозг продолжает упорно работать.

Все ли она сделала, что могла? Быть может, есть что-то, что забыто, что надо обязательно сделать? Нет же, конечно, ничего забыто, конечно, ничего больше делать не следует.

Много раз задавала себе Ермиевская вопрос.

«Не лучше ли ампутировать ногу и тем обеспокоить жизнь Трусова прочно, наверняка, ускорить процесс выздоровления?»

И каждый раз ответ оставался тем же:

«Нет! Отступить нельзя. Пусть медленно наступит улучшение, пусть тяжелее будет больному, пусть и она, Ермиевская, не получит несколько лишних ночей. Оправдание, необходимые жертвы.»

— Как Трусов?

С этим вопросом в кризисные дни входила она в отделение. В невозможные часы, проводимые вне госпиталя, мысль снова и снова возвращалась к нему: «Как Трусов?»

День за днем продолжалась она борьбу. Здесь, в палатах, где вечерами из сотен научных доносился под гурнином артезианский фортепианный концерт Чайковского или полная оптимизма являла симфония Бетховена, была тот же борьба, суровая, трудная. На пути наступающей армии, вынужденной преодолевать обильную, восковую, ослепительную полосу противника, восковая, ослепительная, притягивающая, мешающая движению. Их нужно подвигать. На пути Ермиевской тоже возникала, продолжалась никакая, сотни своих, особенных препятствий. Каждое по похоже на все остальные. Каждое препятствие, ослепительная, притягивающая. А времени у военного хирурга всегда в обрез.

«Но настали, наконец, день, когда, подобно и постели Трусова, Ермиевская поняла, что борьба здесь закончена и победительницей из поединка вышла она.

Хирург А. Ф. Ермиевская.

* * *

У каждого из нас в жизни есть мечта — поспинать себя любимому делу. Каждому кажется, что есть одна область, где он сможет с полной для общества приложить свои силы. Один хочет строить шахты. Другой — водить паровозы. Третий — управлять огнем зенитной артиллерии, четвертый — стать учителем.

Мечта была и у молодой женщины, она была ослепительно красивой, она была из далекого Амурского. Девушка кончила два класса школы. Но она хотела учиться, она хотела стать врачом.

Летними, белыми ночами протискивала она на набережной Невы. По ту сторону реки тянулись, старинные корпуса Военно-медицинской академии. «Туда», — сказала ей мечта. «А можно?» — спросила девушка. «Да, можно.»

Пять лет Академии вступил в память годами серьезного труда, суровой военной дисциплины. В группе их было только две девушки. Да и во всей Академии женщины не считывались единицами.

Дисциплина не знает исключений. Все выходило на строевые занятия. Все отставали положенное число рядов в караулах. Все шла на стрельбы, и Александра Ермиевская не хотела и никогда не оставалась в числе худших студентов.

Девушка стала врачом. Дружба с талантливым профессором Курвиновым, одним из предшественников величайшего советского хирурга Шевкуненко, определила ее специальность. Она стала хирургом.

* * *

Когда, просмотрев списки награжденных партий и правительством за героизм на одном десятку похитонных, таинских, артиллеристов и летчиков, знайте, они заслуживают высокую награду.

«МЕЖДУВЕДОМСТВЕННЫЙ» МАЛЬЧИК

Вот два дня ученика пятого класса средней школы № 4 города Таганрога Шура К.

Утро первого дня... За двадцать минут до начала занятий по улице, ведущей к школе, идут двое: юноша выше среднего роста, плечистый, с развильными манерами; руки и карманах растопченного пальто; он слегка напевает популярную мелодию. Рядом пошла женщина. Она дернит молодого человека за рукав.

Всем на этот улице ясно: мать Шура К. ведет его в школу. Ониходят в вестибюль. Мать терпеливо ждет, пока сын раздеется, снова берет его за рукав и подвигает и ведет на второй этаж, в класс. Сядя за парту, он с трудом протискивает колени.

Теперь мать спокойна. Сын в классе. Сегодня он будет в школе. Она может идти домой, хозяйничать, варить супы обед, стирать ему белье. А вечером, когда Шура пообедал, она пойдет на работу в ночную смену.

К тому, что произошло с ним во утрам, сам Шура К. относится стесненно, как к ничемному, но неизбежному житейским обстоятельству. Дети, пока не пришли учитель, проматывают свои тетради: некоторые шумят, пускуют друг в друга бумажные стрелы. Шура это не касается. На его лице выражение скуки и равнодушия.

Входит Жорж Б. Презрительно расталкивая мальчиков и девочек, он подходит к Шуру, хлопает его по ладони: солидно задвигает. Зевая, он говорит: «Не встал-ся. Вчера опят...»

В пятом классе таких рослых и «опытных» парней и девушек несколько человек. Они выделя-

ются среди детворы, как деревья в кустарнике.

Шура перегибается с ними поперек голою, сложенных к партам.

Он второголик. Он оставался в третьем классе, в четвертом и вот теперь в пятом. Ему предстоит лето. Он давно уже решил идти себя, что adesso, а школе, ему делать нечего. В семнадцать лет люди уже кончат школу, участвуют в боях за родину, участв в вузах, совершенствуются, растут. А он еще на середине пути. Те, с кем он вошел в этот дом, уже в предопределенном классе.

В течение дня смеют друг друга прозваниями, говорят о пестиках и тычиночках, о том, что плямя свечи делится на три части, о рычажке первого и второго рода, а Шура сидит все с тем же выражением скуки и равнодушия. И, право, если к коню лоша оскотится, кто и в этот раз его не переведет в шестой класс, он не будет очень огорчен.

Но вот другой день того же Шуры К.

Мать вышла на работу а утреннюю смену. И он поднялся вовремя, во-время собрался, вышел из дома и даже по инерции сделал несколько шагов в сторону школы, но тут...

Вечером мы увидели его в ресторане. Он сидел в компании друзей. Он был возбужден, много и быстро говорил. Совсем другой человек. Это уже не ачерашний Шура-школьник. День он провел по своему вкусу и вот теперь рассказывал приятелям некоторые интересные подробности.

Он, оказывается, много успел. Утром был на Новом базаре. Смотрел attraction: топки мотоциклистов по стене. Он несколько раз лазал туда, на вертолету. Те-

перь Шура точно знает, что дело это пустяковое: центробежная сила. Он поделился с приятелями своим опытом. Долго спорили о центробежной силе, путая ее с центростремительной. Шура не смог обяснить приятелям, в чем тут дело, но горечился и кричал, что, будь у него свой мотоцикл, он бы и сам проехал так. В доказательство своей ловкости он рассказывал, что ни разу не покупал билета, «только дурки платят деньги за эту ерунду».

По ходу беседы друзей мы узнали, что Шура побывал в бальзариуме, но не играл, а только «ставил по маленькому». Володька Серый играл с Кангелем в орлянку и продел в долг двести рублей. Один из приятелей Шуры стал развешивать, как надо играть, чтобы выигрив был обеспечен.

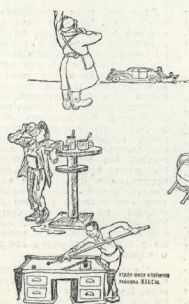
Пригтедь был старше Шуры в серыее. Шура слушал со вниманием, и на лице его не было театрального выражения скуки и равнодушия. Кончив обяснение, приятель наспал на край кружки соль и полнес кружку этии местом к губам. Шура повторил этот «шкарный» жест.

Из ресторана он ушел в порочное часу ночи. Мы заметили, что он распрощался с друзьями и отправился домой. Куда пошла группа приятелей, мы не знаем. Они его звали с собой, уговаривали. Но сегодня Шура еще не решился пойти с ними...

Мать долго ждала сына. Устала и легла. Шура прокрался в комнату, но сразу не мог уснуть: он переживал впечатления дня.

Нужно помнить, что этот юноша, подросток, мальчик, ребенок—называя его как хотате—всегда учится, учится жалю, как велит ему возраст. Но чему, где, у кого?

Рисунок И. Семенова

Ташапроеские картинки...

В школе он занесен в рубрику второстепенных, пересторых, неуспевающих, пассивных. Он досадное явление, он пятое, он, наконец, обуза.

Есть мальчики и девочки, которые учатся нормально, хорошо, отлично,—их большинство. Им занимаются педагоги, комсомол, родители. Есть мальчики и девочки—их немного,—которые нарушают школьную дисциплину, хулиганят. Их исправляют, стараются исправить. Но есть еще одна группа: дети, которых мало кто интересуется. Так сказать, «междуведомственные» мальчики и девочки. К ним относятся в Шура К. Им совершенно не может быть, только после того, как они уже укредет что-нибудь, или разобьет в магазине стекло, или попадет в школу занавеску. В школе он обуза, в семье—несчастье. Но зато летным, воронкам, спекулянтам—всякий темный элемент—с большим интересом, с большим удовольствием, с такими подростками, как Шура К.

Что же его товарищи? Уж, конечно, не соседи по партам, которым по двенадцати—тринадцать лет. И не друзья старших классов. С ними у него полный разрыв. Когда-то они были его товарищами. Он вместе с ними развешивался. Но теперь они пребрехали его компанию: такой зловонный—и в пятом классе! А в тотое, что у них мало свободного времени. Они участв, они заняты комсомольской, общественной работой.

Есть в прошлом году Шура дружил с Катей У. Она и сейчас живет с ним в одном доме. Они вместе ходили а школу, делились впечатлениями от праздничных мероприятий, читали в библиотеке. Но за лето Ката У, подготовилась к седьмому классу. Родители завали ей репетитора. Теперь Ката—в седьмом классе. Шура не перешел и в шестой. Она комсомолка, отличница. И Ката избегает встреч с Шурой. Все считают, что она правильно поступила, проводя с второголиком дружбу. Ей и в комсомольской организации школы сказали, что лучше не иметь дела с Шурой. К. У. и не хотела компании. Что же, Шура поддвмывается к ней будет, что ли? Не хочет дружить—не надо.

Мало ли компанийских ребят на улице? Они оборудованы не по образованию. В улчных компаниях и школьниках, и бывшие школьники, и какие-то позорительные типы. И в этих местах денег. Вверху они были в Ростове, а неделю тому назад—в Армавире или в Шахтах. Они не заботятся о том, кем и как выедают деньги. Вверху они были в Ростове, а неделю тому назад—в Армавире или в Шахтах. Они не заботятся о том, кем и как выедают деньги. Вверху они были в Ростове, а неделю тому назад—в Армавире или в Шахтах. Они не заботятся о том, кем и как выедают деньги.

Шура К. пока еще далеко от уголованин. За ним еще не числится делишки, подобные тем, что совершил Жора П. Этот Жора обманым путем получил в вадательстве «Таганрогской правды» от имени горкома комсомола три тысячи экземпляров газет и продал их на обертку.

Инструктор школьного отдела горкома комсомола тов. Ульянов с благодарным недогованием рассказывал нам о ановичих проделках Жоры П. А в юпте беседы тов.

(Окончание на странице 30).

ИСКУССТВО КИТАЙСКОГО НАРОДА

Фото Музея восточных культур.

Чудные открытия ожидают посетителя выставки китайского искусства, размещенной в залах Музея восточных культур.

Его взору открываются уникальные произведения, созданные в те далекие времена, когда Европа еще только выходила из состояния варварства. Он приглядывается к свиткам потемневшего шёлка и поражается исключительной тонкости кисти, совершенству композиции картины, созданной волшебной рукой древнего мастера.

И это совершенство он видит не только в живописи: в прекрасной фарфоровой вазе, в узорчатой лаковой шкатулке, в причудливой башне, вырезанной из слоновой кости, в шовковом панно, затканном фантастическими цветами, выступают все те же свойства высокого мастерства — благородство и чистота линий, поэтическая одухотворенность рисунка.

Путешествуя по залам выставки, перелистывая книгу многовековой духовной истории китайского народа, посетитель с особым волнением останавливается перед произведениями современных художников. В остро выразительных, исполненных с большой экспрессией рисунках, гравюрах, плакатах встает перед ним сегодняшний день Китая, наполненный пафосом борьбы за свободу и независимость народа.

На этой странице мы показываем читателю образцы китайского искусства, собранные в залах выставки Музея восточных культур.

4. На пост. Гравюра современного художника Ван-Ци.

5. «Преклонный возраст — твердый дух». Художник Пай-Юнь. Живопись на бумаге.

1. Шар в шар... Вырезан из слоновой кости неизвестным художником (XIX век).

2. Лотосы и цапли. Живопись на шелку. Художник Биньцзин-Чжао (1428 год).

3. Соусы и дуна. Живопись на шелку. Художник неизвестен (960—1279 год).

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель.

Улышко развела руками: что делать? Она явно обличила Жору. И в милиции докладывала, что правонарушитель, а там ей ответить двумя словами: «Надо воспитывать...». А что значит воспитывать, когда в школьной горнице всего три инструктора? И потом, посудите сами, как воспитывать, если директора школ не являются, когда их вызываешь на заседания бюро горкома?

Горкомовские работники положительно недолюбливают школьные дела. В горкоме собирают сведения, составляют планы, обсуждают, как бороться с неуспеваемостью, с безнадзорностью ребят, с второгородничеством. В горкоме заседают до ночи, выносят постановления, решения... А в школе не ценят их усилий...

Педагоги и руководители школ в свою очередь считают, что комсомольские организации не помогают им. Директор 4-й школы тов. Степанович в заведующую учебной частью тов. Григорьев так и говорит: «Комсомол нам не помогает бороться за успеваемость». Сколько угодно обилие слов на собраниях, но только. Да, говорят они, виноват комсомол, виноваты органы милиции, которые не борются с хулиганством, виноваты заводские общественные организации, которые не хотят заниматься вопросами воспитания детворы.

Начальник городского отдела милиции тов. Овасов и начальник 1-го отделения милиции тов. Воробьев со своей стороны обвиняют комсомол, школу, профсоюз.

И в этих взаимных упрехах представители классов и классов ставя находят для себя утешение.

Но разве дело только в том, чтобы искать виновников? Как же всесторонне поступить с Шурой К? Он не «выпуклое», не «впадинное», не «проблема», а живой мальчик, с недостатками и достоинствами, увлечен шитого класса школы № 4. Но учиться он не в школе, и воспитанием его заботит не комсомол. Он предоставляет самому себе и влиянию случайных людей.

Как случилось, что Шура К попал в такое положение? Почему он отстал от своих сверстников?

В школу он поступил с опозданием — девять лет. Первый год он учился хорошо, и во втором классе он был в числе успе-

вающих, но потом долго болел, отстал и не мог догнать. Когда он перешел в третий класс, у него умер отец. Мать поступила работать. За Шуру не было серьезного присмотра...

В таганрогской школе № 4 из 1500 учащихся 300 второгородников. Большинство их в четвертом, пятом и шестом классах.

Вот Сергей Л. Он сын ответственного работника, имеющего прямое отношение к педагогике. В учебном заведении, где работает отец Сергея, прекрасная дисциплина. А в семье? Отец приходит домой поздно. Сына он любит, но чрезмерно балует. Если в школе мальчуга «обидят», поставит ему хорошую отметку, папа утешит: купит велосипед или радиоприемник.

Одноклассник Шуры К. Ваня Ф. первый раз остался на второй год. Ваня тяжело переживает свою неудачу. Он молчалив, расстроен. Он знает свои минусы.

Отец Ваня пьет. Дома грязь, беспорядок. Там невозможно заниматься.

В семье Лели П. постоянное горе. Леля то на стороне пьет, то на стороне маме. Ей всегда учиться.

Какется ясно: и школа и комсомол должны знать, как живет каждый ребенок, что делается у него в доме, и к тем, у которых не все благополучно и имам, нужно относиться с повышенным вниманием, не ждать, пока они станут второгородниками.

Здесь не обойтись протоколом и постановлением. И уж, конечно, как ни расширять штаты инструкторов, горкомовские и райкомовские работники не в силах знать всех школьников и заниматься каждым. Но разве комсомол — это только штатные комсомольские работники?

Шуре К. не помогли своевременно, когда он только начал отставать. Мать не знала его репетитора. Ми не знала почему, может быть, просто не догадалась, а может быть, у нее не было денег. А комсомольцы, школьный актиа провозили поразительное безразличие к судьбе товарища.

Как же быть с Шурой К?

Одни советуют его перейти в ФЭУ, другие — поступить на работу. Мать настаивает, чтобы он продолжал учиться в школе. Сам Шура считает вопрос неразрешимым и перестал думать об этом.

Что же делать с Шурой К?

Задача № 139

А. Студенский (Чехословакия)

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Этюд № 24

В. Платов (Из сборника этюдов)

Белые, начиная, выигрывают.

ПЕШЕЧНЫЙ ШТУРМ

Победительница в этой партии московский инженер В. Чудова является одной из сильнейших представительниц аристократических шахматистов.

Белые: Чудова

Черные: Малых

2-й тур в турнире шахматистов 5-й категории.

1. e2—e4 e7—e5 2. d2—d4 d7—d5 3. e4:d5 Фd8:d5 (Солдатыне 3. . . . c:d) 4. Кf1—с3 Фd5—a5 5. Кg1—f3 Кg8—f6 6. Сe1—d2 Фd5—c7 7. Кf3—e5 Сb8—f5 8. Сd2—f4 Фc7—d8 9. Cf1—e4 e7—e6 10. e2—g4! (У белых большое преимущество в развитии, и, пользуясь этим, они могут начать опасный для черных пешечный штурм на королевском фланге) 10. . . . Сf5—g6 (Если 10. . . . Сe4, то 11. К:е4 К:e4 12. Фf3! с преимуществом для белых. Однако предложение, избранное черными, еще хуже) 11. h2—h4 Фf8—h4 (Конечно, плохо 11. . . . h5 из-за 12. К:g6! по контркомбинации, задушающая черных, также недостаточна. И сейчас следовало сыграть 11. . . . Сe4) 12. f2—f3 Фd8—a5 13. Фd1—d2 (Проше было 13. Сd2!, вынуждая движение пешки h) 13. . . . Кb8—d7 14. g4—h5 Сg6—e4 15. f3:e4? (Необходимо было предварительно 15. К:f7) 15. . . . h2:c3 Сh4—c3 18. Кf1—e2 (Выигрывает. Теперь становится ясно, почему белым должны быть размечены коней. В этом случае они, продвигая Сd2, сохраняли бы лишнюю фигуру) 18. . . . Сc3:a1 19. Кe5:f7 (Аваранжа жертва. Продолжая 19. Л:a1, белые сохраняли раннюю инициативу) 19. . . . Крe8:f7 20. Сf4—d2 Сa1—c2 21. Сd2—с3 Фa5—b5 22. Фd3—e4 Лb8—e8 23. Сc3—d2 Фc5—e7? (После 23. . . . Кf6! черные отбивали атаку. Например, 24. Лf1 Фa4 25. Сd3 Крe7 и т. д.) 24. Фe4:h7 Лe8—h8 25. . . . Лh1—f1+ Кd7—b6 26. Фh7—g6+ Крf7—g8 27. Лf1:g1 Фe7—f6 28. Сd4—e6+ Фb5:e6+ и через несколько ходов черные сдались.

Примечания В. Чудовой.

РЕШЕНИЯ «СМЕНА» №12 за 1939 г. 1 и 2

Задача-шутка. Вот правильная позиция этой манюсы: Белые: Крf6, пешки c3, e7 и f3, Черные: Кf5, Кc5 и f7, пешки c5, d6 и d7. Мат в два хода 1. b7—b8K! 2. Фe2—e2!

Задача № 130 В. Пятилетнего. 1. Кf8—g6.

Задача № 131 В. Протопопова. 1. Кd6—e2 Фf1—g1.

1. . . . Сh4—f2 Шт1: f2+; 1. . . . Сh4—g3 2. Кe4:g3; 1. . . . Чd4—f6 2. Кe4:f6 (польза 2. Кg3 e4—h4).

Задача № 134 Н. Ковалева. 1. Фb3—b8 задача № 135 П. Поно-

марев. 1. Лd7—e7. Если 1. . . . Сh4—g3, то 2. Кe5—g5+ и 1. . . . Кd5—g4 2. Кd4—e3+; Задача № 136 Е. Калугина. 1. Сe8—h5 Крg5—h5 2. Крg3—f4; 1. . . . Крf5—d5 2. Сh5—e4+; Задача № 137 Н. Романовского. 1. Кg3—f1 Кр2—h1 2. Крe2—f2; 1. . . . h7—h5 2. Лh1:h2+ и т. д.; Задача № 138 В. Гавриленко. 1. Фd5—a8 Сf1—a6 2. g2—e4+; 1. . . . Cf1:g2 2. Фa8—a1 и т. д. Шт2 № 23 Л. Семизаечкина. 1. Сh2—g1 a3—a2 2. Сh1—b2 b2—b1 Ф 3. Сg1—d4+ Фb1—b2 4. Сd4—h8 Фb2:h8 — белым пат.

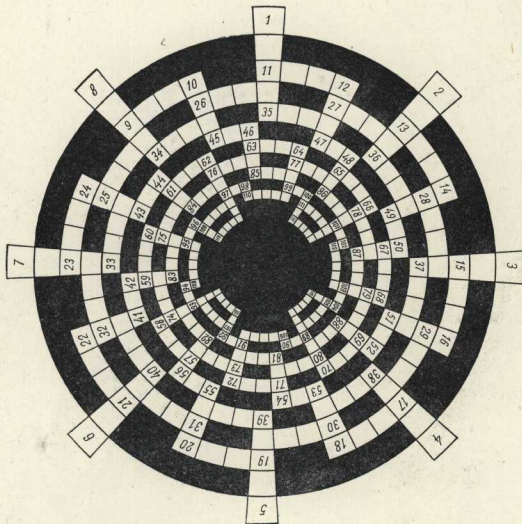
ОТВЕТЫ НА ЧАЙНВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 2 «СМЕНЫ».

- Потемкин, 2. Нахмов, 3. Вахта, 4. Аврора, 5. Аваносев, 6. Цуцуня, 7. Афроф, 8. Норд, 9. Дальное, 10. Рам, 11. Макаров, 12. Вымпел, 13. Ливкор, 14. Рязгов, 15. Трап, 15. Пелент, 17. Гюкс, 18. Симон, 19. Порт, 20. Трост, 21. Семафорт, 22. Рубца, 23. Азард, 24. Док, 25. Крен, 26. Навиация, 27. Яхта, 28. Аванпорт, 29. Тром, 30. Марс, 31. Сигнальщик, 32. Кабельтов, 33. Водоименщик, 34. Ермак, 35. Калитр, 36. Рандеву, 37. Узел, 38. Лейтенант, 39. Тренд, 40. Дню, 41. Очкаво, 42. Выстрел, 43. Ломер, 44. Стрела.

КРОССВОРД

Составил А. Макаров

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО РАДУСАМ:

1. Печня. 2. Промышленное Ржев. 3. Французский писатель. 4. Монашеский каф. 5. Русский писатель. 6. Нативизм. 7. Матрица. 8. Советская кинорежиссура. 9. Дитярь Архангельск. 10. Метра. 11. Метра. 12. Гам. 13. Метра. 14. Метра. 15. Метра. 16. Ревя в Западной Европе. 17. Общественно-правовая норма. 18. Дозиметр. 19. Атмосферный осадок. 20. Транспортировка. 21. Музейный музей. 22. Музейный музей. 23. Музейный музей. 24. Музейный музей. 25. Музейный музей. 26. Музейный музей. 27. Музейный музей. 28. Музейный музей. 29. Музейный музей. 30. Музейный музей. 31. Музейный музей. 32. Музейный музей. 33. Музейный музей. 34. Музейный музей. 35. Музейный музей. 36. Музейный музей. 37. Музейный музей. 38. Музейный музей. 39. Музейный музей. 40. Музейный музей. 41. Музейный музей. 42. Музейный музей. 43. Музейный музей. 44. Музейный музей. 45. Музейный музей. 46. Музейный музей. 47. Музейный музей. 48. Музейный музей. 49. Музейный музей. 50. Музейный музей. 51. Музейный музей. 52. Музейный музей. 53. Музейный музей. 54. Музейный музей. 55. Музейный музей. 56. Музейный музей. 57. Музейный музей. 58. Музейный музей. 59. Музейный музей. 60. Музейный музей. 61. Музейный музей. 62. Музейный музей. 63. Музейный музей. 64. Музейный музей. 65. Музейный музей. 66. Музейный музей. 67. Музейный музей. 68. Музейный музей. 69. Музейный музей. 70. Музейный музей. 71. Музейный музей. 72. Музейный музей. 73. Музейный музей. 74. Музейный музей. 75. Музейный музей. 76. Музейный музей. 77. Музейный музей. 78. Музейный музей. 79. Музейный музей. 80. Музейный музей. 81. Музейный музей. 82. Музейный музей. 83. Музейный музей. 84. Музейный музей. 85. Музейный музей. 86. Музейный музей. 87. Музейный музей. 88. Музейный музей. 89. Музейный музей. 90. Музейный музей. 91. Музейный музей. 92. Музейный музей. 93. Музейный музей. 94. Музейный музей. 95. Музейный музей. 96. Музейный музей. 97. Музейный музей. 98. Музейный музей. 99. Музейный музей. 100. Музейный музей. 101. Музейный музей. 102. Музейный музей. 103. Музейный музей. 104. Музейный музей.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПО ОКРУЖНОСТИ:

9. Ревя на юге СССР. 11. Автор романа «Домьян». 13. Летное ранение. 15. Нематод. 16. Нематод. 17. Ревя в Азии. 18. Восточноевропейский язык. 19. Восточноевропейский язык. 20. Восточноевропейский язык. 21. Восточноевропейский язык. 22. Восточноевропейский язык. 23. Восточноевропейский язык. 24. Восточноевропейский язык. 25. Химический элемент. 26. Пылок. 27. Демонстрация героической гражданской войны. 28. Мужское имя. 29. Горы в Америке. 30. Иллюстрация к геномному проекту. 31. Водяной. 32. Водяной подразделение. 33. Музыкальное произведение для одного голоса или инструмента. 34. Кочующие птицы. 35. Место сражения, многократное сражение в 1799 году. 36. Музыкальная единица измерения. 37. Остаток сельскохозяйственного орудия. 38. Полуостров в Австралии. 39. Народное собрание. 40. Златоуст. 41. Деревня. 42. Молодой советский писатель. 43. Пылок. 44. Коммунистический интернационал молодежи. 45. Вино. 46. Жидкость. 47. Промышленное заводское орудие. 48. Вымершее динозаврское животное. 49. Вино. 50. Жидкость. 51. Промышленное заводское орудие. 52. Столица европейского государства. 53. Большой человек. 54. Часть света. 55. Промышленное черепашье изобретение и ослабление. 56. Государство. 57. Пылок. 58. Животное. 59. Японская монета. 60. Большой человек из восточной Азии. 61. Ревя в Германии. 62. Бог любви и дружбы греков. 63. Златоуст. 64. Ревя в СССР. 65. Ревя. 66. Турецкая крепость, важный пункт. 67. Музыкальный инструмент. 68. Историческое название. 69. Португальская известная порода. 70. Рыбная ловля. 89. Промышленное орудие. 95. Часть суши. 97. Насосное. 98. Пылок. 101. Дорого. 103. Порт в Финляндии. 105. Промышленное черепашье изобретение. 106. Минерал. 107. Литературное произведение. 108. Летный протозоид. 109. Часть уха. 110. Знаменитый писатель XVIII века. 111. Овца. 112. Остаточный размер. 113. Город в СССР. 114. Деревянная арматура. 115. Мебель. 116. Рыба.

В НОМЕРЕ:

Верному соратнику Ленина и Сталина — Вячеславу Михайловичу Молотову (приветствие ЦК ВКП(б)); Герман Тихомирнов — Незабываемые встречи (воспоминания); А. Шабонов-Явский — Друг и учитель студентов (воспоминания); С. Трегуб — Солнце советской поэзии (статья); И. Казьма — Большие шаги (отрывок из повести); Лев Кассиль — Маяковский в Большом (отрывок из книги); Николай Асеев — Маяковский рядом (статья); А. Родченко — Работа с поэтом (воспоминания); За что мы любим Маяковского (анкета); Ва. Маяковский — Готовый (стихи); Евг. Воробьев — Спор со старым стихом; Доблели ради... (литературный монтаж); Б. Вережкин — Встречаюсь с ним... (воспоминания); Ю. Шер — Поединок (очерк); Тихон Булавин — «Междуведомственный» мальчик (очерк); Искусство китайского народа; А. Чирков — Весной на охоте (очерк); Шахматы; Кроссворд; Рисунки: И. Гринштейн, И. Семенов. Фото: А. Родченка, В. Филкина, Вейнберг, Д. Дебабова, С. Лоскутова, И. Гушина. На обложке: Весна — фотозод Д. Дебабова. На обороте обложки: На прогулке — фотозод И. Гушина.

Ответ. редактор Ф. И. Наседкин. Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг.
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правда», 24, тел. Д-3-34-24.

Ответ. секретари редакции М. Г. Осипов.
Оформление В. И. Урина.

Сдано в набор 16/III 1940 г. Подписано к печати 29/III 1940 г. Изд. № 294. Формат 72 × 110 см. 4 печ. л. 98000 экз. в печ. л. Уполномоченный Главлита № А — 26146. Технический редактор Б. М. Фейгин. Заказ 635. Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правда», 24.

